

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ

Ингуши

НАУКА

— 1727 —

Коллектив авторов

Ингуши

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74296391

Ингуши:

ISBN 978-5-02-041698-7

Аннотация

В монографии рассматриваются основные этапы этнической истории ингушей; взаимосвязь этнополитических, этнодемографических и этнокультурных изменений на протяжении XX-XXI вв. Приводятся данные о развитии главных отраслей хозяйства (земледелие, скотоводство, пчеловодство, промыслы и ремесла, добыча соли, охота) и основных особенностях материальной культуры (поселение и жилище, домашний очаг, башенная архитектура, системы водоснабжения, тамги, национальная кухня, одежда и украшения, оружие). Представлены сведения о духовной культуре (религиозные верования, народная медицина, игры и развлечения, фольклор, календарная обрядность) и соционормативной сфере (семейный и общественный быт, этикетные нормы поведения в семье и обществе, обычаи взаимопомощи, кровная месть и др.), о развитии профессиональной культуры (наука, искусство, музейное дело и др.).

Для историков, этнологов, культурологов и широкого круга читателей.

Содержание

Введение	5
Глава 1	20
Природно-климатические условия и экология	20
Историческая демография и расселение	38
Ингушский язык	68
Арабографическая письменность	72
Арабографическое изображение	73
ингушских звуков	
Историко-антропологические сведения	84
Краниология	86
Соматология	94
Одонтология	98
Дерматоглифика	100
Генетика	102
Общие итоги исследований	104
Глава 2	106
Ранние этапы этнической истории	106
Ингушетия в XVI–XVIII веках	113
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Ингуши

© Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Ингушский государственный университет, 2013, 2014, 2026

© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Народы и культуры» (разработка, оформление), 1992 (год основания), 2026

© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2026

* * *

Введение

Представленная вниманию читателей коллективная монография, выходящая в рамках научно-издательского проекта ИЭА РАН «Народы и культуры», посвящена одному из древнейших автохтонных народов Кавказа – ингушам (самоназвание *ǵIalǵIaij*). Ингушский язык (*ǵIalǵIaij mott*) относится к нахской группе нахско-дагестанских языков кавказской (иберо-кавказской) языковой семьи наряду с чеченским и бацбийским. Предки ингушей упоминаются в античных источниках, средневековых летописях и исторических сочинениях арабских, армянских, византийских, грузинских историков. Составляя неотъемлемую часть многокультурного и многоэтнического сообщества народов Кавказа, ингуши прошли свой собственный путь социального и этнокультурного развития, внесли свой неповторимый вклад в формирование Северо-Кавказского цивилизационного комплекса. В то же время ингуши – один из динамичных и быстро растущих народов Российской Федерации: около 30% ингушей, по переписи 2010 г., составляют люди в возрасте моложе 30 лет. Численность ингушей в Российской Федерации составляет 445 тыс., из них 385 тыс. живут в Республике Ингушетия (более 90% населения республики), 28,3 тыс. в Северной Осетии-Алании, 4,4 тыс. в Москве, 1,2 тыс. в Чечне и т. д. Ингушская диаспора имеется в странах СНГ (Казахстан, около

17 тыс.), в Европе, Америке, Азии (Турция).

Как свидетельствуют археологические, архивные, литературные материалы, ингуши на протяжении всего доступного историческому анализу периода истории имели тесные связи со многими соседними народами Южного и Северного Кавказа. Этому способствовало и расположение территории их проживания в непосредственной близости от древнейших стратегических, торговых, военных путей Кавказского региона, в частности, от известного с глубокой древности Дарьяльского прохода, именовавшегося также «Ингушской дорогой», имевшего как торгово-экономическое, так и военно-стратегическое значение, в позднейшее время получившего название Военно-Грузинской дороги. В раннем Средневековье ингуши стали вступать в различного рода контакты с представителями Русского государства, Российской империи. С 1770 г. территория Ингушетии вошла в состав России. В силу разных обстоятельств практически до второй половины XVIII в. ингуши оставались нередко вне поля зрения посещавших Кавказ путешественников, миссионеров, исследователей, поэтому история ингушского народа до настоящего времени изучена историками, этнографами и другими специалистами еще недостаточно полно, менее основательно, чем история большинства других народов Кавказского региона. Как в этнической, так и в социально-политической истории ингушского народа имеется немало спорного и дискуссионного.

Начало комплексного изучения Кавказского региона, в том числе и сбор исторических, этнографических, лингвистических сведений об ингушах, было связано с организацией во второй половине XVIII в. так называемых академических экспедиций (1768–1775). Так, в 1770–1773 гг. по поручению Академии наук путешествие по Кавказу совершил И.А. Гильденштедт. Собранный им материал под названием «Путешествие по России и Кавказским горам» после смерти ученого был опубликован П.С. Палласом на немецком языке (*Güldenstadt*, 1787). В 1809 г. извлечения из палласовского издания были переведены на русский язык (Географическое и статистическое описание... 1809). В изданной в 2002 г. книге И.А. Гильденштедта «Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.» содержится уже полный перевод на русский язык всего комплекса его историко-этнографических и лингвистических материалов по Кавказу. В разделе этой книги «Путешествие из Астрахани в Кизляр в 1770 г.» он отмечал, что первым кавказским народом, с которым он познакомился, были ингуши (*Гильденштедт*, 2002. С. 36). Автор дал описание территории их проживания, изложил сведения о принятии ими российского подданства, об основных занятиях, жилище, вооружении, религиозных верованиях. Данные о племенном составе народов Кавказа, их общественном строе, религии, пище, одежде, хозяйстве, поселениях и жилище, семейных отношениях, обычаях аталычества, гостеприимства содержатся в «Дневнике» Л.Л. Штедера, причем

особое место уделено описанию обычая кровной мести у ингушей, осетин и кабардинцев. Сведения об ингушах имеются в книге П.С. Палласа (*Pallas*, 1799–1801), переведенной на французский и английский языки, которая была составлена по литературным источникам и материалам Л.Л. Штедера (*Косвен*, 1955. С. 286).

С первой половины XIX в. в печати стали все чаще появляться материалы, содержавшие описания народов Кавказа, что было связано с Кавказской войной и необходимостью изучения местных народов (*Токарев*, 1966. С. 1788). В работе Г.Ю. Клапрота «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 и 1808 годах по поручению Императорской академии наук Санкт-Петербурга, содержащее полное описание Кавказских стран и их жителей, Юлиуса Клапрота» (Берлин, 1814. Т. 2) материалы по ингушам содержатся в разделе «Мизджегские языки». В труде С.М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» имеется раздел, посвященный ингушам и карабулакам (*Броневский*, 1823). Ценные сведения содержатся в «Материалах для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.» (СПб., 1869. Ч. 1) П.Г. Буткова, который в течение 12 лет служил на Кавказе. Работа И.Ф. Бларамберга «*Tableau historique, topographique, statistique, ethnographique et militaire du Caucase par J. de Blaramberg*», написанная в 1834 г. и содержащая данные по истории и этнографии ингушей, была опубликована только в 1992 г. (*Бларамберг*, 1992). Сведения, касаю-

щиеся религиозных верований ингушей, представлены в статье А.М. Шегрена «Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при различных случаях» (1843. Т. 7. Кн. 13) и работе М.А. Селезнева «Руководство к познанию Кавказа» (СПб., 1847). Статья В.Н. Акимова «Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей» (СМЭ. 1888. Т. 3) основана на материалах, собранных им во время поездки по Кавказу в 1886 г., и содержит данные о свадебной обрядности, брачном возрасте, калыме, приданом, записи сказок из ингушского с. Цори. Особо следует отметить значение работ первого ингушского этнографа Ч.Э. Ахриева. Его перу принадлежит ряд статей: «Об ингушских женщинах», «Об ингушских кашах», «Этнографический очерк ингушского народа, с приложением его сказок и преданий» и др. Эти работы легли также в основу исследований В.Ф. Миллера (1890. № 1), Г.А. Вертепова (1892. Вып. 2), Б.К. Далгата (1893. Вып. 3; 1901. № 4), Г.Н. Потанина (1899). Утверждению мюридизма в ингушской среде посвящена статья А.П. Ипполитова «Учение “Зикр” и его последователи» (1869. Вып. 2). Позже к этой теме обратился К. Борусевич в статье «Сектантство среди ингушей» (1893. № 3), уделивший внимание новому религиозному течению среди ингушей и его лидеру – Батал-хаджи Белхороеву. В статье «Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа» (1899. № 1/2) К. Борусевич поднимает вопросы семейной жизни, кровной мести, народного врачевания. Г.А. Вертепова по праву можно

назвать одним из разносторонних исследователей ингушского народа: он производил археологические раскопки, собирал народные предания, изучал быт народа. В статьях «Ингуши» (1892. Вып. 2), «Вечеринка у ингушей» (1893. № 1), «Наши горы и их обитатели» (1897. № 145–150) дана характеристика ингушских обществ, сообщаются сведения о гражданском быте и введении мусульманства, об уникальных памятниках зодчества горной Ингушетии, в том числе о храме Тхаба-Ерды. В статье ингушского этнографа А.Б. Базоркина «Горское паломничество» (1875. Вып. 8) описываются празднования в честь бога Мятцели (праздничная процессия, одежда участников, обряд жертвоприношения и т. д.) и расположение святилищ Мятцели, Мятер-Дяла и Сусон. Истории и этнографии ингушей посвящены публикации А.П. Берже – «Краткий обзор горских племен на Кавказе» (1857), «Чечня и чеченцы» (1859), в основе которых – документы из местных архивов и литературные материалы, а также содержательная статья А.А. Висковатова «С Казбека» (1865. № 12), где имеются сведения об охоте на туров, о легендах, народных преданиях и суевериях ингушей, о периоде христианского влияния. Существенный вклад в историко-этнографическое изучение ингушей внесли публикации Н.Ф. Грабовского «Горский участок Ингушского округа в 1865 году» (1868. № 20), «Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа» (1870. № 3), «Ингуши: их жизнь и обычаи» (1876. № 9). Изучению

духовной культуры ингушского народа были посвящены исследования известного кавказоведа Б.К. Далгата. Наиболее важны такие его работы, как «Жертвоприношение на Столовой горе» (1893. № 75), «Материалы по обычному праву ингушей» (1929. Т. 2). Все работы этого автора написаны на основе полевых исследований в горном ингушском с. Бейни с привлечением опубликованных источников. Публикация Ф.И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа» (1882–1883. Ч. 1–2) является источником для изучения обычного права ингушей. В этот сборник вошло «Краткое описание обычаев, существовавших между туземцами Ингушского округа» (1883. Ч. 2. С. 148–184).

Работа В.Ф. Миллера «Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества» (1888) содержит данные о религиозных верованиях ингушей, а также уникальные зарисовки храма Тхаба-Ерды, только благодаря которым сохранились для изучения многие детали памятника, впоследствии утраченные. Антропологическому изучению ингушей посвящена статья И.И. Пантюхова «Ингуши. Этнографическо-антропологический очерк» (1900. Т. 13). Проблемам землеустройства и землепользования посвящена статья Н.П. Тульчинского «К вопросу о положении ингушей среди горцев Терской области» (1902. № 30, 32, 33, 35). Работа Н.Н. Харузина «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей» (1888. Вып.

3) – результат его личных наблюдений, сделанных летом 1886 г. вместе с В.Ф. Миллером, о чем автор писал: «Сведения собраны мною в чеченских обществах: Пошхойском, Галанчожском и ингушских: Хамхинском, Цоринском и Мецхельском» (С. 115).

Послереволюционное время характеризовалось значительной активизацией краеведческих и историко-этнографических исследований. Так, Ф.И. Горепекин проделал огромную работу по сбору и систематизации знаний об ингушском народе. Многие его рукописи утеряны, а сохранившиеся материалы хранятся в ПФА РАН и уже опубликованы (Труды Ф.И. Горепекина, 2006). Значительный вклад в изучение этнокультурного облика ингушей внесли выдающиеся кавказоведы А.Н. Генко, Е.М. Шиллинг, Н.Ф. Яковлев. Фундаментальное историко-этнографическое исследование А.Н. Генко «Из культурного прошлого ингушей» (1930) можно назвать лучшим сочинением по истории ингушского народа (Лавров, 1972. С. 218–219). Е.М. Шиллингу принадлежат ценные описания системы религиозных воззрений ингушей. В работе «Ингуши и чеченцы» (1931) исследователю удалось уловить сущностные характеристики традиционных представлений горских народов, выстроить иерархию домонотеистического пантеона. Особое место в этнографическом изучении ингушского народа занимает очерк Н.Ф. Яковлева «Ингуши» (1925), в котором он знакомит читателя с историей, культурой, обычаями и языком малоизвест-

ного тогда для многих народа; здесь обобщен весь фактический материал, добытый им во время поездки по Ингушетии в составе экспедиции сотрудников КИПСа. В горной Ингушетии были собраны материалы о духовной и материальной культуре, происхождении ингушских родов, истории селений. Со слов последнего языческого жреца Эльмурзы Хаутиева, жителя с. Шоан, Н.Ф. Яковлевым были записаны тексты молитв. В ходе экспедиции было составлено около I тыс. карточек со словами, которые не используются в современном ингушском языке и представляют несомненный интерес для исследователей; сделано более 100 фотографий, записаны фонограммы текстов молитв. Экспедицией были собраны экспонаты для музея, судьба которых, к сожалению, неизвестна. Рукописи Н.Ф. Яковлева также являются ценным этнографическим источником (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 582, 573, 574, 575). Следует отметить, что именно Н.Ф. Яковлев в работе «Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей» (1925б) одним из первых ввел в научный оборот термин «вей нах» («наш народ»), обозначающий принадлежность к ингушам, объединив чеченцев и ингушей общим термином «вайнахи» («вейнахи»). В 1928 г. В.П. Христианович написал работу «Горная Ингушия», где детально рассмотрены вопросы родового быта, его разложения, образования земельных обществ. В 1933 г. к ингушской тематике обратился Г.К. Мартирозиан в книге «История Ингушии», подробно рассмотрев этапы этнической ис-

тории, различные аспекты материальной и духовной культуры, особенности социально-экономического развития Ингушетии. Обстоятельный очерк «Ингушетия» был написан Х.-М.М. Мугуевым после поездки в Ингушетию в 1930 г. Он содержит сведения об Ингушской автономной области, ее экономическом развитии и жизнедеятельности местного населения (Мугуев, 1931). Большой интерес представляют исследования Л.П. Семенова: «Ингушская и чеченская народная словесность»; «Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1928 и 1929 гг.» (1930а); «Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1930–1932 гг.» (1934–1935); «Нартские памятники в фольклоре ингушей и осетин» (1930б) и др. В работе И.П. Щеблыкина «Искусство ингушей в памятниках материальной культуры» (1928) обстоятельно рассматриваются архитектурные памятники горной Ингушетии, способы изготовления ковров и их орнамент.

Новый этап в изучении культуры ингушского народа начался с 1920-х годов, когда был создан Ингушский НИИ и были достигнуты первые значительные результаты в этой области этнографического кавказоведения. После объединения Ингушской и Чеченской автономных областей (1934) историко-этнографическая проблематика стала в основном изучаться как единая для ингушского и чеченского народов, что повлекло введение в научный оборот новых этнических терминов – «нахи» и «вайнахи», причем материал в иссле-

дованиях зачастую подавался без разделения на ингушский и чеченский. Депортация ингушей и ее трагические последствия прервали начавшееся разностороннее изучение истории и культуры ингушского народа. С 1944 по 1957 г. историко-этнографическое изучение депортированных народов фактически было приостановлено.

С восстановлением в 1957 г. Чечено-Ингушского НИИ начинается новый этап развития чечено-ингушской исторической науки. Изучение истории ингушей в этот период (1957 – начало 1990-х годов) связано с именами многих ученых-кавказоведов как из ведущих научных центров страны, так и региональных и местных научно-исследовательских центров. (История Ингушетии, 2012. С. 9). С воссозданием в 1992 г. национальной государственности началось систематическое, комплексное изучение культурного прошлого ингушского народа, что стало возможным благодаря воссозданию Ингушского НИИ гуманитарных наук, образованию Ингушского государственного университета, учреждению Государственной архивной службы Республики Ингушетии, созданию Археологического центра и организации музейной и библиотечной систем при Министерстве культуры Республики Ингушетия. В 2011 г. был издан первый академический труд по истории Ингушетии с древнейшего периода до настоящего времени (история Ингушетии. Магас; Нальчик, 2011).

Представленный краткий историографический обзор

лишь в общих чертах позволяет проследить процесс накопления знаний в сфере историко-этнографического ингушведения. Тем не менее очевидно, что научное сообщество Ингушетии, а также специалисты тех кавказоведческих центров, где изучается этот регион, трудятся весьма плодотворно, что и позволило создать авторский коллектив монографии «Ингуши». Эта работа является первым историко-этнографическим исследованием, где столь детально и всесторонне рассматриваются практически все основные аспекты этнополитического и этнокультурного развития ингушского народа. В монографии отражены основные этапы этнической и политической истории ингушей, та историко-культурная среда, которая во многом определяла особенности традиционно-бытовой культуры. Приводятся данные о развитии главных отраслей хозяйства и материальной культуры (система питания, одежда, оружие, жилище, башенная архитектура и т. д.). Подробно рассматриваются институт семьи и семейная обрядность, общественный быт (традиции взаимопомощи и гостеприимства, кровная месть, народный этикет, праздничная культура), духовная культура (народная медицина, религиозные верования, игры и различные жанры фольклора) и т. д. В работе имеются также сведения о развитии в Ингушетии профессиональной культуры и спорта, формировании и современном состоянии ингушских диаспор за пределами России.

Конечно, в одну монографию невозможно вместить все

то безграничное разнообразие деталей и нюансов, которое характерно для этнической культуры каждого народа. Надеемся все же, что данная работа позволит не только впервые свести воедино наработки и достижения, которые есть в этой области кавказоведения, но и выявить те области этнографического знания, которые исследованы недостаточно полно, а следовательно – наметить новые перспективы работы. Важен также и научно-просветительский аспект данного монографического труда – познакомить широкие читательские круги с одним из интереснейших народов Кавказа, имеющим древнюю историю.

Создание этой монографии было бы невозможно без активного участия сотрудников Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Ингушского Государственного музея краеведения им. Т. Мальсагова, Государственного музея изобразительных искусств и Государственной архивной службы Республики Ингушетия, предоставивших уникальные иллюстративные и картографические материалы, как исторические, так и современные. Особую признательность выражаем автору работ по культуре Ингушетии, соискателю отдела этнографии Кавказа МАЭ РАН Р.А. Джалил-Ходжа за фотографии, которые она предоставила для публикации. Все разделы монографии богато иллюстрированы, большинство фотографий публикуется впервые. Выражаем благодарность проректору по научной работе Ингушского государственного университета З.Х.

Султыговой, сотрудникам Института этнологии и антропологии РАН – чл.-кор. РАН, д.и.н. С.А. Арутюнову за консультации при работе над текстом монографии; к.и.н. В.В. Степанову за помощь в составлении карт, а также рецензентам монографии – д.и.н., ведущему научному сотруднику Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований РАН С.И. Аккиевой и д.и.н., научному сотруднику главной категории отдела Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея В.А. Дмитриеву. Особую благодарность за большую организационную работу и подготовку текстов и иллюстративного материала выражаем сотрудникам ИЭА РАН к.и.н. Л.И. Миссоновой, Н.В. Павловой, Е.А. Юриной.

Правильность написания терминов на ингушском языке, историческая топография и топонимика, современные названия населенных пунктов в Республике Ингушетия проверены отв. редактором тома, к.и.н. М.С.-Г. Албогачиевой и членом союза журналистов РФ С.А. Мерешковым. Ингушские термины, пословицы и поговорки отредактированы в соответствии с современными грамматическими нормами ингушского языка с использованием словарей: *Куркиев А.С.* Ингушско-русский словарь. Магас, 2004; *Оздоев И.А.* Русско-ингушский словарь. М., 1980; *Бекова А.И., Дударов У.Б., Илиева Ф.М., Мальсагова Л.Д., Тариева Л.У.* Ингушско-русский словарь. Нальчик, 2009.

Подготовка тома «Ингуши» осуществлялась в рамках

проекта Российского гуманитарного научного фонда «Народы и культуры Кавказа» (№ 11–01–00275а).

Глава 1

Историко-культурная среда

Природно-климатические условия и экология

Республика Ингушетия расположена в юго-восточной части Северного Кавказа и простирается от $43^{\circ}35'$ до $42^{\circ}45'$ восточной долготы и от $45^{\circ}30'$ до $45^{\circ}15''$ северной широты. Ее современная площадь составляет 362,8 тыс. га, или 3,6 тыс. км² (без учета Пригородного района и г. Владикавказ). Протяженность с севера на юг – 111 км, с запада на восток – 52 км. Территория республики подразделяется на 4 административных района: Малгобекский, Назрановский, Сунженский, Джейрахский. На севере и западе Ингушетия граничит с Северной Осетией, на востоке – с Чеченской Республикой, на юге – с Грузией. Поверхность территории имеет сложный рельеф: наряду с горными вершинами (г. Шан – 4451 м) есть низменности, лежащие на высоте 200–300 м над уровнем моря (с. Вежарий-юрт – 230 м). Сложена она осадочными породами мезозойского и кайнозойского периода, возраст пород увеличивается к югу, самые древние породы

в горной части относятся к юрской и меловым системам.

С северо-запада на юго-восток Ингушетии выделяют следующие орографические зоны: Терско-Сунженская возвышенность, равнинно-предгорная часть и собственно горная часть, где четко выражен ряд высоких хребтов – Пастбищный, Скалистый и Боковой. Каждая из зон отличается не только устройством поверхности, но и особенностями климата, почв, растительности, животного мира. Все это создает особые условия жизни и хозяйственной деятельности населения.

Терско-Сунженская возвышенность представлена Терским и Сунженским хребтами, возникновение которых связано с горообразовательными процессами кайнозойского времени. В пределах республики Терский хребет повышается с запада на восток (от 433 м в правобережье р. Курп до 703 м восточнее ст. Вознесеновской), а Сунженский хребет понижается (с 872 до 521 м). Сунженский хребет довольно сильно измят, склоны его не имеют четкой ориентации, поверхность значительно расчленена овражно-балочной сетью. Терский и Сунженский хребты разделены Алханчуртской долиной, которая образовалась в узком прогибе земной коры между горными складками.

Южный склон Терского хребта пологий, с широкими балками. Протяженность Алханчуртской долины около 70 км, а ее ширина изменяется от 10 до 3–4 км. На западе она замыкается отрогами Кабардинских гор. Долина орошается Ал-

ханчуртским каналом, питающимся водами р. Терек.

Равнинно-предгорная часть геоморфологически представлена Назрановской возвышенностью и Лесистым хребтом, отделяющимися широкой долиной р. Сунжи (*Головлев, Головлева, 1991. С. 64*). Поверхность Назрановской возвышенности платообразная. Почвообразующими породами служат четвертичные отложения, представленные пластами делювиальных глин и суглинков. Передовая цепь Лесистого хребта, сливающаяся с предгорной частью, имеет высотные отметки в среднем до 1000 м. К югу высота хребта увеличивается до 1360 м (г. Лонже-Корт). Полоса Лесистого хребта (это самый северный хребет Большого Кавказа) сложена преимущественно мягкими глинистыми породами неогена и палеогена. Рельеф имеет плавные, округлые очертания. Поверхность сильно расчленена долинами рек и многочисленными балками.

Горная часть состоит из системы хребтов: Пастбищного, Скалистого и Бокового. Пастбищный хребет (название он получил от обилия на его склонах прекрасных горных пастбищ) орографически выражен в виде параллельных куэстовидных гряд. Северную ветвь его образуют верхнемеловые хребты Цейшты (1439 м), Барахчи (1542 м), Кори-Лоам (1731 м) и Морд-Лоам (2102 м), сложенные нижнемеловыми и верхнеюрскими породами. Южную ветвь составляют нижнемеловые хребты Ушкорт (1696 м) и Кейле-Лоам (1821 м), расположенные в междуречье Асса – Фортанга. Широтные

понижения, разделяющие обе ветви хребта, сложены мягкими глинисто-песчаными породами нижнего мела.

Скалистый хребет моноклинального строения и широтного простираения. Южный его склон крутой или обрывистый, северный – более пологий. Поверхность его либо округлая, выглаженная, либо имеет резкие очертания в виде зубцов и пирамид. Высшая точка Скалистого хребта на западном отрезке между Тереком и Ассой – гора Столовая (Мят-Лоам, 2993 м), на восточном – Леймой-лоам (3100 м), а между Ассой и истоками р. Аккичу – гора Скалистая (Хахалги, 3032 м). К югу от этого хребта расположена широкая продольная Северо-Юрская депрессия, охватывающая пространство между подножием эскарпа Скалистого хребта и северными отрогами Бокового хребта. Поверхность депрессии сложена ниже- и среднеюрскими песчано-глинисто-сланцевыми толщами, слабо устойчивыми к размыванию. К местам залегания таких пород приурочены продольные долины рек Армхи, Галгачи, Гулой-хи, Тхаба-чоч, Фортанга, а также Ассинская и Армхинская котловины. Ассинская котловина – один из естественно-исторических центров восточной части горной Ингушетии (Зязиков, 2004. С. 37). Она охватывает часть бассейна р. Асса с обрамляющими ее склонами хребтов. Отроги Бокового хребта, окружающие котловину, сложены сланцами, имеют мягкие очертания. На севере Таргимской котловины поднимается гигантская стена Скалистого хребта, ограничивающего поступление в котло-

вину влагонесущих воздушных потоков.

Горная Ингушетия
Джейрахский район
Фото З.Р. Эльдиева, 2012 г.

Горная Ингушетия

Джейрахский район

Фото З.Р. Эльдиева, 2012 г.

Армхинская котловина расположена между Скалистым и Боковым хребтами. Она отличается сухостью климата, обилием солнца и тепла, исключительно благоприятными курортными условиями. Боковой хребет образован сильно метаморфизированными глинистыми сланцами, толщами аргиллитов, песчаников и алевролитов нижнеюрского возраста (Головлев, Головлева, 1991. С. 57). Северный склон Бокового хребта сильно расчленен короткими и глубоковрезанными ущельями притоков рек Армхи, Ассы и Гулой-хи. Высокогорные отроги, образованные этими ущельями, круто обрываются на север. На территории Ингушетии несколько зве-

ньев Бокового хребта. Короткий Кистино-Армхинский участок (около 20 км) ограничен с запада Дарьяльским ущельем, а с востока р. Асса. На север и юго-запад с массива текут небольшие притоки р. Терек, в том числе и р. Армхи, а на восток и юго-восток – левые притоки Ассы. Коротким является и массив Махис-магали (Боковой хребет), средняя высота которого – 3760 м. На северо-запад и юго-запад с массива стекают притоки р. Асса. Высшие точки вершин в бассейне р. Армхи: Шан (4451 м), Кичич-Корт (4118 м), Сахарисмта (3963 м). В бассейне р. Ассы высота вершин Бокового хребта достигает 4000 м, у Мартинисмта – 3899 м, Махис-магали – 3991 м. Ко всем этим вершинам приурочены очаги современного оледенения.

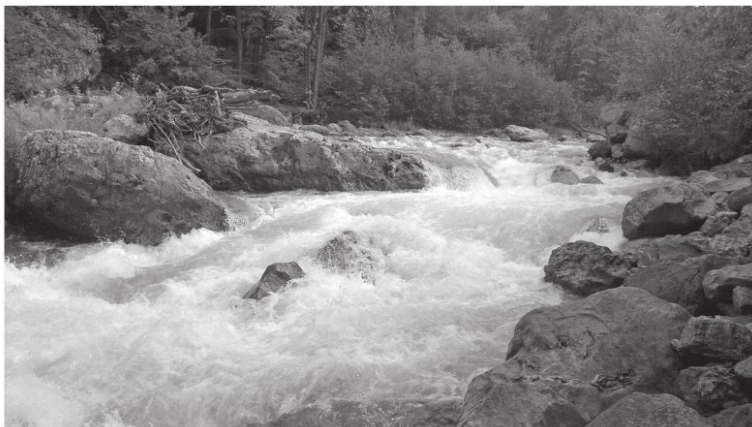
Ингушетия расположена в южной части умеренного теплового пояса и характеризуется значительным разнообразием климатических условий. С увеличением высоты над уровнем моря понижается температура воздуха, увеличивается количество осадков.

Территория южной среднегорной и высокогорной части расположена между Скалистым и Боковым хребтами. В пределах абсолютных высот 900–2000 м климат умеренно теплый и сухой, а свыше 2000 м холодный и избыточно увлажненный. Весна в горах наступает позже, чем на равнине: на высоте 2000 м – в апреле, а 3000 м – в мае. Осень в горах начинается в августе, тогда как на равнине – в октябре. Холодный и избыточно увлажненный климат свойственен Боково-

му хребту и наиболее высоким массивам Скалистого хребта. На горных вершинах, имеющих высоты более 3700 м, снег сохраняется в течение года. Из-за низких температур здесь и летом осадки могут выпадать в виде снега.

Разнообразными климатическими условиями характеризуются Терско-Сунженская возвышенность и левобережные террасы р. Сунжа. Это засушливая территория, которой соответствуют степные типы ландшафта. Весна здесь наступает рано, уже в марте. Лето жаркое, умеренно-увлажненное. Зима умеренно мягкая, снежный покров неглубок и неустойчив (от 8 до 15 см); устанавливается в декабре и держится, чередуясь с оттепелями, до середины февраля.

Климат предгорно-равнинной части республики немного прохладнее и более влажный. Самый холодный месяц – январь ($-5,5^{\circ}$), самый теплый – июль ($20,5^{\circ}$). В предгорьях наблюдаются типичные для горных стран ветра: фены и горно-долинные. Распределение осадков по сезонам и месяцам отличается большой неравномерностью. В теплый период года осадков выпадает в 2–2,5 раз больше, чем в холодный. Самые дождливые месяцы – май, июнь, самые сухие – январь, февраль. Северные склоны хребтов увлажняются лучше, чем южные, западные склоны получают больше осадков, чем восточные. Всего в году в среднем 113 дней с осадками. Летом преобладают местные осадки в виде ливневых и грозовых дождей (Агибалова, 1988. С. 31).

Река Асса

Джейрахский район, с. Джейрах

Фото З.Р. Эльдиева, 2012 г.

Почти все реки имеют ярко выраженный горный характер, берут начало на высоких гребнях из ключей и родников и принадлежат к бассейну Каспийского моря. Горным рекам свойственны бурные дождевые паводки летом.

Область степной зоны, представленная Терским и Сунженским хребтами – практически безводная территория. Здесь почти нет рек, озер; грунтовые воды залегают глубоко. Единственная в настоящее время водная артерия в Алханчуртской долине (между Терским и Сунженским хребтами) – Алханчуртский канал.

Гидрографическая сеть равнинно-предгорной части

представлена реками Терек, Сунжа (инг. Шолж) (ее истоки лежат на северном склоне Пастбищного хребта на массиве Уш-корт, исторической части Ингушетии, сейчас это граница с Северной Осетией), Галми (Камбилеевка), Наьсаре (Назранка), а также большим количеством маленьких, часто пересыхающих летом речек. Сунжа – самый крупный приток Терека как по площади водосбора ($12\,200\text{ км}^2$), так и по длине (256 км) и впадает в него на 177-м км от его устья. Основной приток Сунжи – Асса (Эсс), истоки которой лежат на территории Грузии на ледниках Главного Кавказского хребта. Крупнейшие притоки Ассы – Терххи, Нелх, Мужичи, Тхаба-чоч, Галгачи, Фортанга, Гулой-хи. Гулой-хи, берущий начало из родников южного склона хребта Цори-Лоам, впадает справа у входа в Таргимскую котловину. Фортанга (с притоками Аршты, Футан, Берчи-Али, Хутту, Ондрих и др.) также является крупным правым притоком Ассы. Не менее полноводна р. Армхи, которая берет начало из родников на территории Ингушетии и имеет следующие притоки: Шан-чоч, Амаль-чоч, Салги, Ляжги, Обин и др. Асса, Фортанга и Армхи обладают значительными запасами энергии, являются ценными рекреационными объектами.

Формирование почвенного покрова Ингушетии происходило в сложных физико-географических условиях. Неоднократные поднятия и обсыхания территории, сменявшиеся опусканием и заболачиванием, таяние ледников и образование аккумулятивных равнин, изменение направления

рек, дифференциация климата, смена растительности наложили существенный отпечаток на характер почвенного покрова (Головлев, Головлева, 1990. С. 42). В результате этого в настоящее время на сравнительно небольшой площади (3,6 тыс. км²) республики выделено более 10 типов почв.

Разнообразие рельефа, климата, почв, в свою очередь, определило и большое разнообразие растительного покрова республики. Флора Ингушетии, по последним данным, насчитывает более полутора тысяч видов (Дакиева, 2003. С. 6). Ее можно классифицировать как кавказско-бореальную, с ощутимым влиянием средиземноморской флоры. При движении с севера на юг Ингушетии значительно возрастает высота над уровнем моря, от 230 (Вежарий-юрт) до 4451 м (гора Шан). Огромная разница высот над уровнем моря, сложение поверхности различными горными породами с разнообразным почвенным покровом, разнообразие форм рельефа создают богатство различных растительных экотипов: лесных, водно-болотных, скально-осыпных и горных. При анализе условий местообитаний прежде всего необходимо отметить поясность. В пределах республики выделяются следующие пояса растительности: степной (230–700 м); лесной (700–1800 м); пояс нагорных ксерофитов (1200–1800 м); субальпийский (1600–2800 м); альпийский (2600–3700 м).

Степная растительность охватывает Терский и Сунженский хребты, западную равнинно-плоскостную часть от Сунженского хребта до р. Камбилеевка и южную часть – до Ле-

систых гор в пределах Назрановского района. Выраженным индикатором степного типа растительности является род ковыль (*Stipa*), различные виды которого сопровождают травостой всех степей Земли. Степи Ингушетии неоднородны по своему составу. По крутым южным склонам Терско-Сунженской возвышенности обычен бородач кровеостанавливающий. Субдоминантами здесь являются виды родов: ковыль (*Stipa*), тонконог (*Koeleria*), пырей (*Elytrigia*). В полынно-бородачевых степях к бородачу примешивается полынь австрийская. Из разнотравья здесь обычны: тысячелистник обыкновенный, клевер ползучий, луговой, душица обыкновенная.

Для западных районов Терского хребта, в пределах высот от 300 до 400 м, характерны разнотравно-злаковые степи с лесами из дуба, клена и карагача. В восточных районах нижней полосы предгорий на высоте 300–400 м простираются злаково-полынные степи, в которых представлены заросли колючих кустарников: боярышника мелколистного и некоторых видов шиповника (*Rosacanina*, *R. corymbifera*). Степь Терско-Сунженской возвышенности представляет собой вторичную формацию, образовавшуюся на месте вырубленных лесов. Степная часть республики, занимающая территорию южнее от подножия Сунженского хребта до Лесистых гор, сильно распахана. Лесостепь сохранилась лишь в западной части Сунженского хребта до с. Ачалуки и в области контакта лесного пояса со степным. Степь занимает по-

вышенные участки равнин, а леса сохранились по долинам рек и балкам.

Лесная растительность охватывает предгорья, низкогорья и среднегорья. Нижние горизонты широколиственных лесов, а также лесостепь заняты смешанными лесами, в которых много плодовых растений: груша кавказская, яблоня восточная, слива растопыренная (*Prunus divaricata*), мушмула германская и др., которые растут вперемешку с дубом скальным, черешчатым (*Quercus petrae*, *Q. Robur*), лещиной обыкновенной, грабом обыкновенным и др. Полоса лесов с плодовыми деревьями тянется через всю республику и является характерной чертой Ингушетии и всего Северного Кавказа (Галушко, 1975. С. 34). Выше диких плодовых идут широколиственные среднегорные буковые и смешанные буково-грабовые леса, которые занимают наибольшие площади лесов Ингушетии. Обычным спутником бука является граб кавказский. В меньшем количестве к нему примешивается клен полевой, липа кавказская, ильм шершавый (*Ulmus scabra*). Участки чисто буковых лесов, не тронутых человеком, можно встретить теперь только в самых труднодоступных местах Лесистого хребта. Южные склоны в верховьях р. Фортанга на высоте 1000–1700 м над уровнем моря занимают среднегорные дубравы с дубом каменным. Здесь встречается также клен полевой, ясень высокий, лещина обыкновенная, граб кавказский. Выше полосы широколиственных лесов идет полоса мелколиственных лесов – бе-

резняки, ольшаники, а также сосновые леса. Горные сосновые леса встречаются в верховьях рек Асса и Армхи, а также по склонам Бокового и Скалистого хребтов. Эдификатором в сосновых лесах является сосна Коха (*Pinuskochuana*), чаще всего образующая чистые древостои. Кустарниковый ярус сосняков составлен можжевельниками продолговатым и казацким (*Juniperusoblonga*, *J. sabina*), шиповниками острожубым и мягким (*Rosaoxyodon*, *R. mollus*), рябиной кавказской. На теневых склонах гор встречаются боры-зеленомошники. В них много грибов – сыроежек, рыжиков и др. Из кустарников встречаются брусника и черника обыкновенная.

В Таргимской и Джейрахской аридных котловинах, расположенных по долинам рек Асса, Фортанга и Армхи, представлены остатки растительности, которая господствовала в периоды, отличавшиеся большей сухостью (*Галушко*, 1975. С. 41). Обе котловины покрывают заросли колючих кустарников из астрагалов: кавказского, золотистого и обыкновенного. Днища аридных котловин занимают злаки: ковыль, овсяница, тонконог, а также разнотравье.

Субальпийский пояс преимущественно луговой, хотя здесь встречаются березняки, рододендроновые заросли. Нижняя граница субальпийского пояса проходит на высоте 1400–1600 м, верхняя достигает 2000–2800 м. На нижней границе пояса субальпийской растительности отмечено высокотравье. Это преимущественно многолетники: борец восточный, лилия однобратственная и др. Высокогорный кли-

мат способствует долгому и пышному цветению растительности, до глубокой осени одни цветущие виды сменяют другие. Особого внимания заслуживает полоса распространения рододендрона кавказского (*Rhododendron caucasicum*), заросли которого встречаются на границе субальпийской и альпийской растительности.

Альпийская растительность располагается на высоте 2600–3700 м над уровнем моря; характерная особенность – низкий рост травостоя, что связано с более холодным климатом. Это также луговой тип растительности, но луга здесь занимают только нижнюю часть пояса, в верхней же части встречаются альпийские ковры и пустоши. Травостой альпийских лугов слагается преимущественно злаками и осоками, альпийские ковры – в основном видами родов лапчатка (*Potentilla*), одуванчик (*Taracsacum*), горечавка (*Gentiana*), манжетка (*Aichemilla*). В составе высокогорной флоры немало эндемичных – овсяница ингушская (*Festuca inguschetica*) и субэндемичных видов – очиток Стевена, живокость кавказская (*Sedum stevenianum*, *Delfinium caucasicum*) и др.

Фауна республики имеет сложный и многообразный видовой спектр, что зависит от характера высотно-поясной структуры горных ландшафтов. Довольно полно представлены эндемики Кавказа. К ним относится кавказская жужелица, кавказский богомол, кавказский скорпион, кавказская ящерица, кавказский тетерев, кавказский улар; из млекопитающих – бурозубка кавказская, полевка дагестанская, тур даге-

станский и др.

В горных и равнинных реках, прудах, водохранилищах обитает более 20 видов и подвигов рыб. В реках Армхи, Фортанга и Асса обильно водится ручьевая форель. В водоемах плоскостной части основные виды – терский усач, голавль кавказский, плотва, караси (Точиев, 1987. С. 37).

Из земноводных широко распространены обыкновенная квакша, серая и зеленая жабы; озерная и малоазиатская лягушки. Из пресмыкающихся обычны желтопузик, веретеница ломкая, прыткая, полосатая, луговая ящерицы, обыкновенный и водяной уж, желтобрюхий, узорчатый полозы, степная гадюка, болотная черепаха. В горах обитают кавказская, дагестанская, грузинская ящерицы, гадюка Динника и гадюка Лотиева.

В орнитофауну Ингушетии входит около 260 видов птиц. В лесном поясе обитают сойки, синицы, зеленушки, дрозды, дятлы, поползни. По берегам речек и ручейков кормятся белые, горные трясогузки, среди зарослей у водоемов гнездятся болотные камышовки, на равнинах – поганки, цапли, чирки, нырки и др. В поселениях человека многочисленны воробьи, ласточки, сизые голуби; на отдельных участках горного луга – чеканы, каменки, изредка – пустельга обыкновенная и коршун. Распространены орлы, беркуты, луни и совы (Рашикевич, 1980. С. 126). Из крупных хищных птиц имеются черный гриф и белоголовый сип. По березнякам гнездится кавказский тетерев, на открытых каменистых площадях

альпийских лугов – каменные куропатки – кеклики, высоко в горах – улары.

Млекопитающие представлены 77 видами; наиболее богато – грызуны (28 видов), хищные (17), рукокрылые (17), затем идут насекомоядные (10) и парнокопытные (5 видов). В высокогорьях типичными животными являются дагестанский тур, кавказская серна, безоаровый козел, летом – косуля. Туры придерживаются скальных участков вблизи снеговой линии. Более редкие животные – серна и безоаровый козел, встречающиеся на субальпийских лугах и по каменникам у границы леса. В горных буковых и дубовых лесах водятся кабаны, из крупных зверей – бурый медведь. Опушки и лесные поляны – места обитания косуль, зайцев. В глухих зарослях скрываются лесной кот и рысь. Из других диких животных водятся ирбис (барс), волк, лисица, куницы – лесная и каменная, норка европейская, барсук, белка, ласка, соня-полчок. В степях обитают грызуны – хомяки, суслики, мыши (*Батхиев*, 2010. С. 151). В связи с низкой численностью запрещена охота на ласку, выдру, норку, рысь, серну, безоарового козла (*Точиев*, 1975. С. 64).

В результате длительного периода антропогенного воздействия природа республики оказалась перед реальной угрозой как прямого разрушения, так и нарушения экологического баланса и дестабилизации природных экосистем. Налицо сильнейшая их трансформация и обеднение, связанные с социально-экономическими условиями как ис-

торического характера, так и последних десятилетий. Это последствия бесконтрольной вырубki лесов и кустарников в горах, длительного выпаса скота, излишне интенсивного использования природных ресурсов, ведения боевых действий. Сохранение видового разнообразия животных в состоянии естественной свободы, целостности и неизменности их естественных сообществ и местообитаний – одно из важнейших требований охраны животного мира. В Красную Книгу республики на данный момент занесено 48 видов беспозвоночных и 88 видов позвоночных животных. Для охраны биоразнообразия флоры и фауны Ингушетии и ее уникальных природно-ландшафтных комплексов созданы и функционируют Государственный природный заповедник «Эрзи» и зоологический заказник (Батхиев, 2007. С. 3).

Историческая демография и расселение

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. из 413 тыс. человек в сельской местности проживает 60,8% жителей Республики Ингушетия, в городах – 39,2% (в среднем по России 26,2% и 73,8% соответственно). Представители титульной национальности составляют в республике 93,5% населения. Отличительная особенность сельских поселений Ингушетии – высокая людность – 5789 чел. (2010 г.), при среднем по России – 281 чел. Сельское поселение Орджоникидзевское с населением 61,8 тыс. человек (2010 г.) – самое крупное в России. Таким образом, ингуши – один из наименее урбанизированных этносов Российской Федерации.

Соотношение долей представителей этноса, проживающего в городах и в сельской местности, во многом определяет соотношение традиционного и модернизационного в характеристике народов Северного Кавказа. Повышение роли городов в развитии общества за счет роста промышленности, развития культурных и политических функций ведет к притоку в них сельского населения, тем самым обеспечивая постепенный переход от сельского образа жизни, приверженного ценностям традиционного общества, к городскому. Привнесение в ингушское общество элементов модернизации, ассоциируемых прежде всего с элементами западной

культуры, начинается с момента активизации взаимоотношений с Россией в конце XVIII в.

Административные центры и многие города республик Северного Кавказа были основаны как крепости в ходе строительства Кавказской военной линии. Для связи Кавказской линии с Грузией и обеспечения регулярного сообщения вдоль Военно-Грузинской дороги в 1784 г. был выстроен ряд укреплений, в том числе «построена отрядом войск крепость у Терека, при входе в ущелье Кавказских гор, при ингушевской деревне Зауре, и названа Владикавказом» (*Бутков*, 1869. С. 165). Крепость Владикавказ стала самым южным укреплением, замыкавшим вход в теснину р. Терек (Дарьяльское ущелье). Для охраны этого стратегически важного участка Военно-Грузинской дороги русское командование заключило с ингушскими старейшинами договор, согласно которому ингуши обязались за определенное вознаграждение выставлять 1000 воинов для охраны движения по Дарьяльскому ущелью (Там же. С. 131; *Христианович*, 1928. С. 65). Строительство Кавказской линии от Терека до Моздока усилило военное присутствие России и ослабило позиции Кабарды в регионе. Заключение договора с представителями русской администрации позволило жителям горных селений Ингушетии более активно мигрировать на равнинные земли.

Крепость Владикавказ выполняла не только военно-административные функции, но и способствовала развитию и

укреплению экономических связей с местным населением – для обеспечения продовольствием русские войска вели меновую торговлю. После основания Владикавказской крепости ингуши неоднократно обращались с просьбой о разрешении вести в крепости торговлю и о создании своей слободы, но им было отказано (Канукова, 2001. С. 52). С началом Кавказской войны (1817–1864) Владикавказская крепость стала одним из главных опорных пунктов русских войск и центром концентрации власти местного уровня. В ходе административных реформ в 1836 г. был образован Владикавказский округ, управление которым осуществляло Управление владикавказского коменданта. К 1840 г. во Владикавказском округе проживали 24,2 тыс. ингушей и 13,9 тыс. осетин (История Ингушетии, 2012. С. 16). Во Владикавказе ингуши практически не проживали, поскольку согласно действовавшему до конца 1880-х годов законодательству горцам запрещалось жить в крепостях (городах) и иметь там недвижимость. Исключение было сделано для осетин-христиан, получивших разрешение селиться не в самой крепости, а под ее стенами. Власти крепости предпринимали попытки ликвидировать поселение осетин, но заступничество представителей церкви сохранило осетинский аул при крепости (Канукова, 2001. С. 21, 30).

За время Кавказской войны ингушей неоднократно переселяли, что не давало возможности наладить хозяйственную жизнь. Крупномасштабные переселения начались с вы-

дворения ингушей из селений, расположенных в долине р. Сунжи, на месте которых были построены станицы Сунженской казачьей линии. В 1845 г. основаны станицы Троицкая и Сунженская (с 1851 г. – Слепцовская, с 1957 г. – Орджоникидзевская) на месте ингушских селений Эбарг-юрт и Курай-юрт, в 1847 г. на южном склоне Терского хребта основана ст. Вознесенская на месте ингушского с. Махьмад-Хите. Ингуши из указанных поселений вынуждены были устраиваться в селениях в долине р. Назранки.

На завершающем этапе Кавказской войны в целях организации надзора над горским населением военно-административное управление края приняло решение о ликвидации на равнине системы малых хуторов путем сселения ингушей в крупные поселения (не менее 300 дворов). Реализация реформы вызвала недовольство, переросшее в открытое противостояние – Назрановское восстание 1858 г., после подавления которого осенью 1858 – весной 1859 г. малые хутора были уничтожены, а население сселено в крупные населенные пункты: Плиево, Барсуки, Гамурзиево, Альтиев, Насыр-Корт, Базоркино, Экажево, Сурхахи, Кантышево и др. (История Ингушетии, 2012. С. 18–19). Высвободившиеся земли были перераспределены: частично переданы государственной казне, частично – казачьим станицам. Лишение ингушских домохозяйств земельных ресурсов привело к сокращению поголовья скота, оставшегося без кормовой базы. Малоземелье стало причиной хронической бед-

ности подавляющей части ингушского населения. Практически одновременно с этим завершилось формирование Сунженской казачьей линии. С 1959 по 1861 г. казачьи станицы появились на месте ингушских поселений в долинах рек Сунжи, Ассы, Фортанги. Ингушей также выселили из близлежащих к Владикавказу поселений Ангушт, Акхи-Юрт, Таузен-Юрт, Шолхи, на месте которых устроены станицы Тарская, Сунженская, Аки-Юртовская, хутор Тарский. Ингушское население из освобождаемых поселений полностью переселилось в Назрановский округ, что обостряло и без того тяжелую ситуацию малоземелья.

Для решения проблемы малоземелья, возникшей вследствие миграционного притока русско-казачьего населения, администрация края проводила политику стимулирования переселения ингушей в Турцию. В период Кавказской войны недовольное политикой властей население уходило на «богомолье», иногда целыми семьями, и обратно не возвращалось. Переселения второй половины XIX в. носили массовый характер при прямой материальной помощи и информационной агитации властей. Точные данные о численности ингушей, покинувших Кавказ в процессе мухаджирства, отсутствуют. Выехали в Турцию 1454 семьи Карабулакского и Назрановского обществ, а одно из последних переселений состоялось в 1904 г., когда в Турцию ушло 329 семей, или около 1000 человек (История Ингушетии, 2012. С. 245–248). Статистические данные того периода свидетельствуют

о сокращении численности ингушей с 28 тыс. в 1858 г. до 25,6 тыс. человек в 1874 г. (Белозеров, 2005. С. 38; Список, 1878. С. 17–26). Общие демографические потери в ходе мухаджирства составили 6–7 тыс. человек. Исходя из численности населения в 1858 г., родину покинули не менее 20–25% ингушей.

С окончанием Кавказской войны Кавказская военная линия была упразднена, ряд ее бывших крепостей получили городской статус. Крепости стали центрами активного социально-экономического развития региона и трансляторами инноваций на близлежащие территории. Численность населения в городах Северного Кавказа того периода росла быстрыми темпами. Особенностью формирования городского населения Северного Кавказа было то, что оно росло не за счет окружающего их местного населения, а за счет миграции населения из Центральных районов России (Северный Кавказ... 2007. С. 241). Согласно послевоенному административно-территориальному устройству, ингуши входили в состав Терской области с административным центром в г. Владикавказ, который по-прежнему оставался закрытым для ингушей, и только в конце 1880-х годов, когда были отменены законы, запрещавшие горцам проживать в городах и иметь там недвижимость, они получили возможность переезда на постоянное жительство в города (прежде всего купцы и офицеры).

Согласно данным Первой переписи населения Россий-

ской империи 1897 г. в Терской области проживало 47,2 тыс. ингушей, в том числе 541 человек – в городах, из них 378 – во Владикавказе. Численность мужчин в городах в 4,5 раза превышала численность женщин (441 мужчина и 100 женщин), поскольку город в тот период был местом трудового отходничества преимущественно мужчин, тогда как женщины оставались в селениях. В конце XIX в. в городах проживало 2,8% всего населения Терской области. Доля ингушей-горожан составляла 1,15% (для сравнения: осетин – 3,3%, чеченцев – 0,25%). Во Владикавказе проживали 378 ингушей, т. е. менее 1% жителей. К моменту переписи 1897 г. формальный запрет на поселение горцев, в том числе ингушей, в городе был снят.

Полковник Я.Б. Хантыгов с супругой и детьми
Начало XX в.

Однако жить в городе позволялось только тем, у кого была возможность приобрести недвижимость.

Учитывая бедность ингушского населения, переезд в город позволить себе могли немногие.

Первое светское образовательное учреждение появилось в Назрани в 1869 г., поэтому основным институтом социальной мобильности, доступным для ингушей, была военная служба. Обучение в военных заведениях Ставрополя, Кубани и других регионов Северного Кавказа в силу бедности основной массы ингушей было по средствам не многим, но получившие такую возможность стремились к высотам военной карьеры. Пять представителей ингушского народа стали генералами, десятки – обладателями офицерских чинов; все они составляли наиболее образованную часть ингушей.

Сформировавшееся вследствие Кавказской войны малоземелье оборачивалось слабой экономической базой, ограничивавшей экономическое, социальное, культурно-просветительское развитие ингушей, возможности миграции в города. В результате в начале XX в. Ингушетия оставалась наименее развитой в промышленном отношении территорией Северного Кавказа (Северный Кавказ... 2007. С. 247).

Приход к власти большевиков и их политика, направленная на развитие национальных окраин, привела к образованию в 1924 г. Ингушской автономной области как само-

стоятельной административно-территориальной единицы в составе РСФСР с центром во Владикавказе (1931–1944 и 1954–1990 гг. – Орджоникидзе). Владикавказ стал административным центром двух АО – Ингушской и Северо-Осетинской, оставаясь преимущественно русским по составу населения. По данным Всесоюзной переписи 1926 г. во Владикавказе проживали 75 тыс. человек, из них 53,4% – русские, 14,4% – осетины и 2% – ингуши. Низкая доля ингушей объясняется событиями Гражданской войны, когда в декабре 1917 г. все ингушское население города вынуждено было его покинуть под угрозой резни со стороны казаков и осетинских офицеров (*Шнирельман*, 2006. С. 35). Возвращение ингушского населения во Владикавказ стало возможным только в 1919 г., после освобождения города от деникинцев, в котором жители Ингушетии приняли активное участие.

Поддержка советской власти, выступавшей за права горской бедноты и обещавшей решить самый острый – земельный вопрос, стоила Ингушетии около двух десятков селений, разоренных и сожженных армией Деникина. Точные данные о потерях ингушского населения в тех драматических событиях отсутствуют, но для того времени они были немалыми, так как армии Деникина противостояли ингуши-крестьяне.

Одним из первых вопросов, решенных советской властью, стал земельный. Ингушское население было возвращено на земли Тарской долины и в другие населенные пункты

близ Владикавказа (из которых ингушей выселили в 1859–1861 гг.). Снижение остроты земельного вопроса ликвидировало полувековые барьеры на пути миграции горцев на равнину, сдерживавшейся властями Терской области. Так, если в 1908 г. в горах проживали 11,9 тыс. человек, то в 1926 г. после переселения в равнинные селения в горах осталось только 1,7 тыс. (*Христианович*, 1928. С. 63).

Начало активного национального строительства открывало возможности свободной миграции ингушей в города, прежде всего во Владикавказ. К 1923 г. в городе уже проживал 501 ингуш (в основном работники обкома партии и облисполкома, извозчики, сторожа и т. д.). После образования Ингушской АО в 1924 г. с административным центром во Владикавказе ингуши получили возможность более активной миграции в город. К 1926 г. во Владикавказе численность ингушей выросла до 1517 человек, а всего численность ингушей-горожан составила 1545 человек (2,1% от общей численности ингушей – 75 149 человек) (*Статистический бюллетень...* 1927. С. 14). Прежде всего миграция в город шла из Пригородного района, в силу его близости к Владикавказу. Таким образом, Владикавказ оставался главным центром притяжения ингушского населения: здесь проживали 98,2% всех ингушей-горожан.

С образованием Ингушской АО кардинальные положительные изменения наблюдались во всех сферах экономической, социальной и культурной жизни ингушей. Так, благо-

даря работе Отдела народного образования Ингушской АО доля грамотного населения с 3,4% в 1926 г. выросла до 8,5% к 1928 г., а к 1930 г. составляла 17,7% (Районы Северного... 1930. С. 106).

Экономика Ингушской АО на протяжении 10 лет ее существования оставалась преимущественно аграрной. Доля промышленности в структуре валовой продукции народного хозяйства АО была самой низкой среди национальных образований Северного Кавказа – 14% (в Чечне – 20%, в Осетии – 34%). Тем не менее отрасль развивалась высокими темпами: к 1931 г. доля промышленности достигала 33% (*Мальсагов*, 1996. С. 14). Рост промышленного производства сопровождался увеличением потребности в рабочих руках, что в свою очередь стимулировало миграцию ингушей в города.

После объединения Ингушской и Чеченской АО в Чечено-Ингушскую АССР и передачи Владикавказа в состав Северной Осетии ингуши лишились своего географического, культурного и экономического центра. Возникший административный барьер ограничил их доступ к промышленному и научно-образовательному потенциалу города, возможности модернизации хозяйства, повышения квалификации и числа рабочих и инженеров, развития собственной системы науки и образования и т. д. Это объясняется тем, что новый административный центр – г. Грозный – находился далеко от районов Ингушетии. Владикавказ был близок к Пригородному району Ингушетии, население которого достигало его

за полчаса пешей ходьбы, и к Назрани (их разделяло не более 25 км), тогда как расстояние до Грозного составляло почти 100 км. Учитывая, что основным видом транспорта в тот период оставался гужевой (максимальная скорость повозки составляла 16 км/ч), путь до столицы занимал не менее 6,5 часов в одну сторону, что негативно сказывалось на интенсивности различных видов связей (торгово-экономических, деловых, культурных и др.) между населением ингушских районов и административным центром.

Несмотря на коллективизацию, голод и репрессии, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. численность ингушей в сравнении с 1926 г. выросла на 10,5 тыс. и составила 85,6 тыс. человек. Наибольшее число ингушей проживало в Пригородном районе – 28,2 тыс. (33%), еще 23,8 тыс. человек (27%) – в Назрановском районе.

В 1930-е годы миграция ингушей в города росла, преодолевая административные границы (г. Владикавказ) и дальность расстояния (г. Грозный). Наибольшими темпами миграция шла во Владикавказ, в котором численность ингушей за период с 1926 г. по 1939 г. выросла в 4 раза – с 1,5 до 6 тыс., а их доля в населении города – с 2 до 4,6%. Число ингушей, проживающих в Грозном и Владикавказе, достигло 7,2 тыс. человек. Доля ингушей, проживающих в городах и в поселках городского типа, по переписи 1939 г. составила 9% (для сравнения: у осетин – 20,8%, у чеченцев – 7,2%). Ингуши оставались преимущественно сельским этно-

сом, набравшим темпы урбанизации.

Период Великой Отечественной войны связан с одними из самых драматических событий в судьбе ингушского народа. Помимо того, что из 7 тыс. ингушей, призванных на фронт из Чечено-Ингушетии, не вернулось более 1 тыс. человек, в 1944 г. все ингуши были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию. Данные о численности депортированных и погибших в ходе депортации ингушей окончательно не установлены в связи с тем, что по мере рассекречивания различных архивных документов, в том числе материалов переписи 1939 г., показатели корректируются. Наибольшая часть демографических потерь пришлась не на время следования до места назначения, хотя и тогда умирали от тяжелых условий транспортировки, а на первые месяцы пребывания в новых местах поселения. Непривычный климат Северного Казахстана приводил к высокой смертности горцев, страдавших от голода, холода и болезней.

Первые годы ссылки характеризовались отсутствием доступа в высшие учебные заведения, жесткими ограничениями в выборе места работы и жительства и т. д. К тому же пропаганда объявила ингушей «народом-предателем», формируя у местного населения негативное отношение к ссыльным. Оказавшиеся выведенными за рамки защиты законов, ингуши консолидировались на основе традиционных институтов взаимопомощи. Высокая социальная значимость родственных связей выступала в качестве «сети», объединяв-

шей и поддерживавшей ингушей. Несмотря на тяжелые условия, ингуши, как и другие депортированные народы, постепенно адаптировались к условиям ссылки – налаживали быт, экономические и социальные связи и т. д. Квалифицированная и образованная часть ингушского народа старалась перебраться из сельской местности в город или областной центр. Наибольшую мобильность проявляли при этом те, кто до депортации проживал в городах (Грозный, Владикавказ) или в пригородной зоне (Пригородный район).

Реабилитацию и возможность вернуться на Северный Кавказ ингуши получили с восстановлением Чечено-Ингушской АССР в 1957 г. Но отсутствие территориальной реабилитации сказывалось на динамике их возвращения. Так, по данным переписи 1959 г. из 106 тыс. ингушей на Северный Кавказ из Казахстана и Средней Азии вернулись только 49%, тогда как чеченцев – 58,2%, калмыков – 61,2%, карачаевцев и балкарцев более 80%. Максимального значения показатель сосредоточенности в пределах своей республики (72,4%) был достигнут ингушами только в 1979 г., тогда как чеченцами (83,1%) и карачаевцами (86,1%) – в 1970 г. (Полян, 2001. С. 160).

Из числа вернувшихся к 1959 г. ингушей (54,3 тыс.) на территории Чечено-Ингушетии смогли обосноваться 48,3 тыс., в том числе 3,7 тыс. в Грозном (в 2 раза больше в сравнении с 1939 г.). Во Владикавказе и Пригородном районе к 1959 г. смогли обосноваться только 6 тыс. ингушей,

что в 5,6 раз меньше, чем в 1939 г. Наиболее сложная ситуация с возвращением ингушей в свои домовладения складывалась в селениях Пригородного района, переданного в состав Северной Осетии. Официальная версия передачи района звучала так: «район экономически слился с Владикавказом» (Цуциев, 1998. С. 81). Исходя из указанной формулировки в 1957–1958 гг. осетинское население из Назрановского, Пседахского, Ачалукского районов (в 1944 г. сюда по разнорядке из Грузии прибыло более 25 тыс. человек) переселялось не назад в Грузию, а в Пригородный район, куда в 1944 г. уже переселили около 30 тыс. осетин (Белозеров, 2005. С. 101–102).

Концентрация осетинского населения в Пригородном районе усиливала этнодемографический барьер на пути возвращения ингушей. Они возвращались на Родину, но не в свои дома. Официально ингушам не запрещали селиться в Пригородном районе, но возвращаться приходилось не в собственные, а в занятые чужими людьми села, строиться на окраинах и задворках, под косыми недружелюбными взглядами непрошенных соседей, а то и вовсе на пустом месте (так возник, например, совершенно новый ингушский пос. Карца). Так что на самом деле Пригородный район стал ареалом чересполосного, смешанного и весьма плотного расселения двух этносов с натянутыми отношениями: это гарантировало ему на будущее высочайший конфликтный потенциал (Полян, 2001. С. 161). В результате если до 1944 г.

доля ингушей в населении Пригородного района составляла 93,5% (30,3 тыс. чел.), то в 1970 г. – всего 15,6%, или 10,2 тыс. человек (*Белозеров, 2005. С. 101*). Во Владикавказе численность ингушей достигла показателей 1939 г. (6 тыс. чел.) только в 1970 г. (6,1 тыс. чел.).

Не имея возможности вернуться в свои домовладения, выходцы из Владикавказа и Пригородного района вынуждены были обустраиваться на территории Чечено-Ингушетии, преимущественно в Назрановском и Малгобекском районах. Из сложившейся ситуации выходили тремя способами: покупали дома у русско-казачьего населения ст. Вознесенской Малгобекского района и станиц Сунженского района (главное преимущество – доступные цены на жилье, наличие рабочих мест и инфраструктуры); выходцы из с. Редант Пригородного района в 1960 г. основали с. Новый Редант в Малгобекском районе; строили дома на выделенном в черте г. Грозного земельном участке (немногочисленная группа ингушей).

В горной части ингуши смогли вернуться в свои дома, поскольку в 1957–1958 гг. все хевсуры, переселенные сюда в 1944 г., вернулись в Грузию. Но в этот период в СССР в сельской местности осуществлялась государственная программа по сселению малых деревень и хуторов, и возвращение ингушей в горы было сочтено нецелесообразным, так как разреженная сеть мелких селений, характерная для горного рельефа, требовала больших затрат на обеспечение проживания.

ющего здесь населения необходимой инфраструктурой. Властям удалось переселить только часть домохозяйств в самое доступное в транспортном отношении с. Джейрах, ставшее самым крупным по численности населения в горной Ингушетии.

Стремительное возвращение из депортации (в первые два года в Чечено-Ингушетию прибыло около 340 тыс. человек, в том числе 120 тыс. трудоспособного возраста) перегружало социальную и экономическую сферы республики. Быстрый рост сельского населения титульных национальностей в разы опережал темпы создания рабочих мест. Частично решило проблему безработицы строительство ряда предприятий промышленности, из которых самые крупные – завод по сборке маломощных электродвигателей (1964 г.) и Назрановская трикотажная фабрика (1967 г.) – располагались в Назрани (получила статус города в 1967 г.), обеспечивая около 3,5 тыс. жителей Назрановского района рабочими местами. Проблема трудоустройства быстро растущего (как за счет возвращавшихся из Казахстана и Средней Азии, так и за счет высокого естественного прироста) сельского населения оставалась острой. Так, по данным переписи 1979 г. в Назрановском районе доля лиц трудоспособного возраста (15–55 лет) составляла 49% и 41% доля лиц в возрасте 0–14 лет. При низких темпах создания рабочих мест в экономике высокая доля молодых возрастов в структуре населения обеспечивала ежегодный прирост безработных. Высокие пока-

затели естественного прироста подтверждали долгосрочный характер проблемы безработицы сельской молодежи. Так, в 1985 г. на одну тысячу жителей у ингушей приходилось 31,0 рождений; у чеченцев – 31,7; у русских – 12,1 (*Гужин*, 1988. С. 38, 46).

Дефицит рабочих мест и низкие темпы их создания вместе с преобладанием многодетных семей вынуждали ингушей искать другие формы занятости, что привело к распространению у ингушей двух основных форм получения доходов – трудового отходничества и ведения личного подсобного хозяйства. Потоки трудовых мигрантов формировались преимущественно за счет мужчин трудоспособного возраста, организовывавших строительные бригады на основе родственных связей. Основной специализацией ингушей стало строительство; большинство строительных бригад трудилось в соседних регионах степного Предкавказья – в Ставропольском крае, Ростовской, Астраханской, Волгоградской областях и др. Помимо сезонных трудовых миграций за пределы Северного Кавказа ингушское население Назрановского и Малгобекского районов было вовлечено в маятниковые миграции в города Владикавказ и Грозный. Основной поток трудовых мигрантов приходился на Владикавказ, куда ежедневно на специальных рабочих автобусах отправлялись несколько тысяч рабочих из Назрановского района. Поток в Грозный включал меньшее число рабочих, но уже на пятидневную рабочую неделю (выезжали в понедельник и возвра-

щались в воскресенье). Фактор расстояния сдерживал поток маятниковых трудовых миграций. В региональных столицах ингуши восполняли недостаток рабочей силы на низкоквалифицированных, малопrestiжных и вредных работах предприятий городской промышленности, в сфере услуг. Сказывались последствия депортации (отсутствие доступа к образованию) и ограничения доступа к высшему образованию после возвращения. Трудовое отходничество и ведение товарного личного подсобного хозяйства способствовали росту благосостояния ингушей, оборотной стороной которого становились потеря здоровья и формирование класса неквалифицированных рабочих. Вовлечение в указанные процессы подростков способствовало воспроизводству класса неквалифицированных рабочих в новых поколениях (Албогачиева, 2009. С. 477, 480).

Многодетная семья С.-Г.И. Албогачиева СО АССР, г. Орджоникидзе. 1970-е годы

Личный архив М.С.-Г. Албогачиевой

Трудовое отходничество распространялось и среди жителей горной Ингушетии, выживавших исключительно благодаря подсобному хозяйству. Коллективные сельские хозяйства, ставшие основным институтом социально-экономической поддержки сельских жителей в советское время, здесь организованы не были. Выращивание крупного и мелкого рогатого скота на продажу стало главным источником дохода, но отсутствие дорог, пригодных для проезда автомобиля, создавало проблемы с доставкой продукции на ближайшие

рынки сбыта, основным из которых был Владикавказ. Только в 1985 г. семикилометровый участок от с. Джейрах до Военно-Грузинской дороги был покрыт твердым полотном, дороги с твердым покрытием к другим горным селениям появились в середине 1990-х годов.

О масштабах безработицы в горах дают представление итоги микропереписи 1992 г.: в с. Джейрах проживало 90% жителей горной Ингушетии (1,6 тыс. чел.), из которых рабочие места имели только 130 человек, безработными числился 941 житель, т. е. не менее 70% населения трудоспособного возраста (Микроперепись, 1992. С. 9).

В сельской местности Чечено-Ингушетии не только катастрофически не хватало рабочих мест, но и заработки были низкими. Почти у 40% трудоспособного населения единственным источником дохода было личное подсобное хозяйство, по показателю занятости в котором в начале 1980-х годов Чечено-Ингушетия опережала все союзные республики (Гужин, 1988. С. 65). Низкооплачиваемое и трудоемкое сельхозпроизводство (особенно трудоемкое в горах) при отсутствии достойных бытовых условий и низкой благоустроенности сельской местности становилось все менее привлекательным для молодежи. Города были и оставались главными полюсами притяжения, а малые расстояния облегчали сообщение. Подвижность населения облегчалась и относительно небольшими расстояниями: до Грозного – около двух часов, до Владикавказа менее получаса. Сходные процес-

сы происходили и в Нечерноземье России (*Грачева, Нефедова*, 2007. С. 28–36). Миграция ингушей во Владикавказ сдерживалась негласным запретом на продажу домов и сдачу жилплощади ингушам, обращенным в 1982 г. в форму постановления об ограничении прописки и купли-продажи домов во Владикавказе и Пригородном районе. В постановлении прямо не упоминалось об ограничении прописки по национальному признаку, но реально меры были направлены на сокращение потока ингушей (*Белозеров*, 2005. С. 142). В 1990 г. Верховный Совет Северо-Осетинской АССР Указом от 14 сентября установил на территории республики запрет на прописку вновь прибывавших неграждан и куплю-продажу жилых домов, дополнительно дискриминировавший ингушей (*Шнирельман*, 2006. С. 121).

Урбанизация ингушей сдерживалась не только административными барьерами, но и дискриминацией их в доступе к высшему образованию – одному из важнейших социальных лифтов для сельской молодежи. По данным переписи 1989 г. на 1000 чел. старше 15 лет приходилось лиц с высшим образованием среди балкарцев – 111, карачаевцев – 110, ингушей – 60, чеченцев – 45 (*Овхадов*, 2001. С. 202–205, 213). Тем не менее образование оставалось одним из базовых факторов миграции сельской молодежи в города. За счет медленного, но стабильного роста образованных людей все большее число ингушей имело возможность трудоустройства на квалифицированных, престижных рабо-

чих местах, и численность ингушей в городах росла. Так, по данным Всесоюзной переписи 1989 г. из общего числа ингушей, проживавших в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии (195,5 тыс.), жителями городов были 71,2 тыс. (36,4%). Более половины ингушей-горожан (38,9 тыс.) проживали в региональных столицах – Грозном и Владикавказе (21,3 и 11,7 тыс. соответственно).

По данным переписи 1989 г. в СССР численность ингушей составляла 237,5 тыс. Основными регионами их проживания были Чечено-Ингушетия – 163,8 тыс. и Северная Осетия – 32,8 тыс., около 20,6 тыс. оставались в Казахской и Киргизской ССР. В РСФСР основными регионами концентрации ингушей стали Тюменская область – 1,9 тыс., Ставропольский край – 1,3 тыс., Ростовская область – 1 тыс. человек. Если Ставропольский край и Ростовская область оставались традиционными регионами трудового отходничества, то Тюменская область заняла лидирующие позиции в 1980-е годы – нефтегазодобывающие регионы Сибири обеспечивали специалистов-нефтяников, которым не хватало рабочих мест на предприятиях нефтяной промышленности г. Грозного как вследствие их избытка, так и за счет истощения местных скважин. В пределах административной границы Чечено-Ингушетии по данным 1989 г. ингуши компактно проживали в трех районах: Назрановском – 60,2 тыс. (98,6% населения), Малгобекском – 20,2 тыс. (78,5%) и Сунженском – 26,6 тыс. (43,6% жителей). В Пригородном районе за

50 лет (1939–1989 гг.) их доля в населении снизилась как в относительных показателях (с 83,3% до 22,1%), так и в абсолютных (с 28.1 тыс. до 16,6 тыс. чел.).

Начало перестройки ознаменовало новый этап в жизни страны. Самым важным для ингушского народа решением государства стало принятие в 1991 г. Закона «О реабилитации репрессированных народов», предполагавшего не только политическую, но и территориальную реабилитацию.

После провозглашения Чечней независимости (осень 1991 г.) Верховный Совет России 4 июня 1992 г. принял Закон «Об образовании Ингушской Республики», но без определения границ с Чечней и Северной Осетией. 20 октября 1992 г. Государственная комиссия РФ приняла решение, суть которого заключалась в возвращении Пригородного района Республике Ингушетия до 31 декабря 1992 г. Однако это решение не было выполнено. Осенью 1992 г. в Пригородном районе были спровоцированы столкновения между осетинами и ингушами. В результате с 31 октября по 5 ноября 1992 г. Пригородный район и г. Владикавказ покинуло практически все ингушское население (за исключением двух сел – Майское и Эзми). До основания были разрушены 11 ингушских поселков (Полян, 2001. С. 186). Из разрушенных в зоне конфликта 3397 домов свыше 3000 принадлежали ингушам. Один из самых кровавых конфликтов постсоветской России унес жизни более 600 человек (419 ингушей, 171 осетин, 60 – представители других народов), 315 пропа-

ло без вести. В конце 1992 г. ФМС России зарегистрировала в Ингушетии около 65 тыс. беженцев (*Белозеров, 2005. С. 143*). В Ингушетии беженцы из Пригородного района получили название «депортированные», по аналогии с депортацией 1944 г.

Не оправившаяся от тяжелых последствий конфликта в Пригородном районе Ингушетия подверглась новому испытанию. С началом боевых действий в Чечне зимой 1994 г. на ее территорию потянулся поток беженцев, покидавших Грозный. В июле 1994 г. Территориальная миграционная служба Ингушетии зарегистрировала 65 тыс. беженцев, по другим оценкам – от 70 до 100 тыс. С началом второй Чеченской кампании в 1999 г. из республики выехали от 250 до 262 тыс. человек, в основном в Ингушетию (*Белозеров, 2005. С. 144*).

В условиях тяжелейшего политического и экономического кризиса в стране в начале 1990-х годов, отягощенного в Ингушетии этническим конфликтом и боевыми действиями в соседней республике, консолидация ингушского общества, как и в годы депортации, происходила на основе традиционных институтов взаимопомощи. Сохранность национальных традиций, обязывающих помогать менее социально защищенным родственникам, помогла избежать гуманитарной катастрофы, когда Ингушетия приняла на своей территории количество беженцев, превышающих ее население.

Результатом двух военных кампаний стал фактически

полный исход из Чечни ингушского населения, численность которого, по оценкам экспертов, достигала 70 тыс. человек. Практически все они обосновались в городах и селах Ингушетии. По данным переписи 2002 г. в Чеченской Республике проживали 2,1 тыс. ингушей, в 2010 г. – 1,3 тыс.

В 2002 г. на территории Ингушетии оставалось 17–20 тыс. ингушей, зарегистрированных как вынужденные переселенцы из Пригородного района (т. е. вдвое меньше, чем в 1992 г.). Реальная численность ингушей, покинувших Пригородный район осенью 1992 г., выше не менее чем в два раза. Связано это с тем, что регистрация в качестве вынужденных переселенцев осуществляется на основании постоянной регистрации на территории Пригородного района. Из-за административного запрета на регистрацию многие ингуши, приобретающие или строившие дома в Пригородном районе, не могли оформить соответствующие документы, подтверждающие право собственности юридически и получить постоянную регистрацию. Такие сделки купли-продажи заключались на основе расписок и взаимного доверия, из-за чего многие не только не могут вернуться в Пригородный район, но и получить компенсации за утраченное имущество.

Практически недоступными для возвращения ингушей остаются часть населенных пунктов, входящих в административное подчинение Владикавказа, с. Камбилеевское, части сел Чермен, Тарское, крайне низкими темпами идет возвращение во Владикавказ (около 12% ингушских семей в

2002 г.). По данным переписи 2002 г. в Северной Осетии проживали 21,4 тыс. ингушей, из них в Пригородном районе – 16,8 тыс., во Владикавказе – 2,7 тыс. (до конфликта – 11,6 тыс.). Сегодня, после 20 лет безуспешных попыток вернуться в Пригородный район, основная часть беженцев обустроилась в Ингушетии. Поэтому рост ингушского населения во Владикавказе и Пригородном районе (в 2010 г. – 28,3 тыс. человек) в последние годы происходит в основном за счет высокого естественного прироста.

События последних десятилетий привели к социальным трансформациям образа жизни ингушей. Численность населения Ингушетии выросла в 2 раза за счет мигрантов-ингушей из соседних республик, что привело к территориальной концентрации этноса. Приток в 1990-е годы ингушей из Грозного и Владикавказа, выступавших носителями элементов городского образа жизни в сельской местности Ингушетии, способствовал взаимному обмену социальным капиталом: городские жители адаптировались к сельскому образу жизни, в то время как сельские жители перенимали элементы городской культуры. Таким образом, особенность роста численности населения городов и сел Ингушетии в 1990 – начале 2000-х годов состояла в том, что они росли за счет миграции в них жителей городов и пригородов из соседних республик.

Молодая мама

Города как главные трансляторы импульсов модернизации на окружающие территории продолжают играть на Северном Кавказе важнейшую роль. В отличие от Чечни или Дагестана, на территории Ингушетии отсутствуют крупные города. История Ингушетии складывалась так, что вплоть до 1992 г. административные центры управления территорией проживания ингушей находились за ее пределами – ст. Сунженская, Владикавказ, Грозный. Поэтому в современной Ингушетии не возникло крупных городских центров, способных сформировать городскую среду и городскую культуру. В то же время практически половина жителей республики – это носители городской культуры, что является основой модернизации жизни общества. Современная столица Ингушетии г. Магас стала центром формирования городской среды и культуры.

Ингушский язык

Ингушский язык (инг. *ɟalɟɟalɟ mott*) – один из восточно-кавказских языков; вместе с чеченским и бацбийским образует нахскую группу, относится к нахской группе восточно-кавказских языков иберийско-кавказской языковой семьи. Распространен в основном в Ингушской Республике, в меньшей степени – в Чеченской Республике и в Республике Северная Осетия – Алания. Число говорящих на ингушском языке составляет около 600 тыс. человек по последним статистическим данным. Не имеет четко выраженной диалектной дифференциации. Литературный ингушский язык складывается с 1920-х годов. Письменность ингушского языка до 1923 г. существовала на арабской основе (эта письменность была распространена в основном среди представителей духовенства), в 1923–1938 гг. – на латинской, а в 1938 г. – переведена на кириллицу.

Первая ингушская газета «Сердало» (Свет) выходит с 1923 г. Первый номер вышел на основе латинской графики. Алфавит, основанный на латинской графике, был создан ингушским просветителем и ученым-лингвистом З.К. Мальсаговым в 1920 г. В 1938 г. был принят ингушский алфавит на русской графической основе, который функционирует и в настоящее время. Систематическое изучение ингушского языка началось лишь в 1920-е годы. Важный вклад в

дело изучения ингушского языка внесли работы А.Н. Ген-ко, Н.Ф. Яковлева, З.К. Мальсагова, Д.Д. Мальсагова, Д.С. Им-найшвили, Ю.Д. Дешериева, Т.И. Дешериевой, Ф.Г. Оздое-вой и др.

Сегодня на ингушском языке функционирует театр, пи-шется оригинальная и создана переводная художествен-ная, научно-техническая, научно-популярная литература. С 1989 г. используется для обучения в начальных, сельских школах, преподается в средних учебных заведениях и ву-зах наряду с русским языком, являющимся основным язы-ком обучения. В Ингушском государственном университете, функционирующем с 1994 г., имеется специальный факуль-тет, готовящий преподавателей ингушского языка и литера-туры.

Существуют разные взгляды на проблему происхождения ингушского языка. Пожалуй, более обоснованной является точка зрения, согласно которой устанавливается родство ин-гушского языка (в составе нахско-дагестанских языков) с си-но-кавказскими (дене-кавказскими) языками (*Старостин*, 1984; *Trombetti*, 1902).

Сино-кавказские языки (дене-кавказские) – гипотетиче-ская макросемья языков, предложенная С.А. Старостиным в 1980-х годах. Под этим общим названием объединяются несколько языковых семей и изолированных языков Евра-зии и Северной Америки. Данное языковое объединение не является общепризнанным среди лингвистов, однако поль-

зуется широкой популярностью среди сторонников глубинной компаративистики. Среди лингвистов, активно занимающихся этой проблематикой, можно указать Дж. Бенгстона и В.В. Шеворошкина. В состав сино-кавказских языков включаются: баскский язык – изолированный язык на Пиренейском полуострове; дене-енисейские языки: енисейские языки – небольшая языковая семья в Сибири; языки надене – языковая семья в Северной Америке; северокавказские языки – объединение двух семей Северного Кавказа: абхазо-адыгские языки, с которыми сближают хаттский язык, нахские и дагестанские языки; бурушаски – изолированный язык в Пакистане (по структурным характеристикам занимает промежуточное положение между северокавказскими и енисейскими), хуррито-урартские языки сближаются с нахскими и дагестанскими языками. Согласно последним воззрениям С.А. Старостина, это сближение объясняется в рамках сино-кавказской гипотезы как некоторая общность северокавказской и хуррито-урартской языковых семей. К сино-кавказским относят и сино-тибетские языки.

Ингушский язык диалектов не имеет, его считают родным 98% ингушей, при этом почти 90% свободно владеют русским языком. Ингуши, являющиеся гражданами Республики Ингушетия, живут в условиях ингушско-русского двуязычия. Ингушский язык существует сегодня в двух формах: в форме устной речи (коммуникации) и в письменной – литературный язык. В соответствии с этим историю ингушско-

го языка можно разделить на два этапа: первый, когда ингушский язык функционировал в качестве языка коммуникации (до создания письменности); второй, когда функционирует уже литературный ингушский язык (после создания письменности).

Арабографическая письменность

Арабографическое письмо ингушей – недостаточно исследованная тема. Использование арабской графики при передаче родной речи ингушами уходит в глубь веков (*Dudarov, 2011. Р. 21*). Созданный учеными-алимами, арабографический алфавит довольно широко применялся. Памятники, созданные с помощью этого алфавита, содержат разностороннюю информацию из жизни и быта народа.

При записи ингушских текстов правильная обычная прописная связь между буквами, применяемая в арабском языке, судя по исследованным текстам, соблюдалась не строго. И это понятно, так как только у небольшой части учащихся религиозных школ-медресе (инг. *хьужаре*) была возможность отточить свое мастерство на письме. Практически не было ни бумаги, ни ручек, ни чернил, не говоря об удобных светлых помещениях, партах и досках. По рассказам тех, кто обучался в примечетских медресе, учащимся для оттачивания мастерства письма приходилось зачастую пользоваться палочкой и, произнося звуки, изображать их на песке, выводя буквы с ее помощью (ПМА, 2012). В медресе обучали не только чтению Корана и арабскому языку, но и ингушскому языку и ингушскому письму, созданному на основе арабского алфавита (История Ингушетии, 2011. С. 357).

Арабографический алфавит ингушей состоял из 37 букв.

К 28 арабским буквам ученые-алимы добавили созданные дополнительно 9 букв, передающие особые звуки ингушского языка, которых нет в арабском (*Dударов, 2011. Р. 21*).

В арабографическом письме ингушей арабский алфавит был полностью задействован. Несовершенной была только система изображения в ингушском письме звуков «с» и «з». Здесь простым автором письма могли без особого различия писаться س, ص, ث для изображения ингушского «с». Также произвольно писались ظ, ز, ذ для изображения «з». Но ученые-алимы из числа ингушей, которые владели в совершенстве арабским письмом, из этих букв для ингушского письма выбирали более близкие по произношению س и ز соответственно для ингушских «с» и «з».

Арабографическое изображение ингушских звуков

Ингушские ученые-алимы в своем письме прописную связь соблюдали строго. Подобное письмо резко отличается от письма большинства. На первый взгляд оно такое же, как и обычное арабское письмо. В таких текстах практически не бывает ошибок, что говорит о высоком образовательном уровне ингушских арабистов. Те же, кто в основном владел простой грамотой письма и чтения, могли читать только Коран, где применялись огласовки и выводили на письме буквы без особого соблюдения прописных правил.

У ингушей принято было различать два арабских шрифта: «шури» (от названия г. Темир-Хан-Шура) и «мисри» (от названия Египта – Миср). В основном распространенными среди ингушей были Кораны со шрифтом «шури», где приводились практически все сопроводительные огласовки арабских звуков. Шрифтом же «мисри», где письмо немного сложнее, пользовались специалисты-ученые, которые годами обучались теологическим наукам в медресе и не нуждались в наличии огласовок на письме.

Ингушским письмом на основе арабской графики пользовались те, кто заканчивал начальный курс обучения, выпускался после изучения чтения Корана на «шури». Именно данная прослойка, научившаяся читать Коран и сносно писать, пользовалась подобной графикой.

Такое письмо применяли ингуши-мухаджиры, покинувшие Родину и ушедшие в Турецкую империю (инг. *Хьункар-мохк*) после окончания Кавказской войны. Данная графика использовалась и для составления писем осужденными ингушами домой из ссылки или теми, кто выезжал в далекие российские губернии на заработки. Подобным письмом наносились эпитафии на надгробных памятниках, к нему прибегали при передаче небольших ингушских текстов.

С использованием данной графики написаны многие распеваемые и сегодня среди ингушей в религиозных собраниях (*тоаба*) многочисленные религиозные песнопения (*назмаш*). Переводы некоторых научных трудов по морфо-

логии и синтаксису арабского языка для начинающих углубленное изучение мусульманских теологических наук, для будущих ученых-алимов также писались подобной графикой. На практике шаг за шагом в медресе алимами с помощью арабографической письменности целенаправленно велась работа по ликвидации неграмотности среди ингушей. Обучение в медресе подняло на порядок выше процент грамотных людей среди ингушей. Чтобы считаться грамотным, нет разницы, на основе какой графики идет само обучение. Главное – иметь знания для чтения и передачи письма на том языке, на котором создан используемый алфавит. Статистика по выявлению среди ингушей подобных грамотных людей никогда не велась.

В школах-*хъужаре* курсов или классов, наподобие тех, что мы наблюдаем в современных учебных заведениях, не было. Вместо этого существовала система определения знаний конкретным учащимся по изученным им книгам. Например: «малагIа жей дийшад?» – «какую книгу изучил?» или «малагIа дарс да Iа хIанз дешар?» – «какую тему ты сейчас проходишь?»

Интересно, что в начале XX в. известный ингушский просветитель и общественный деятель В.-Г. Джабагиев, знавший о повсеместном применении данной графики в ингушской среде, считал, что «путь к скорому созданию ингушской письменности» заключается в том, чтобы «в основание нового начинания положить арабскую азбуку» (*Джабагиев,*

2006).

Сначала обучение велось в домашних условиях, но уже во второй половине XIX в. образовательное пространство Ингушетии было представлено религиозными арабоязычными школами начального типа. Материальное, педагогическое и методическое обеспечение этих школ было весьма скудное, они существовали на добровольные пожертвования самого населения. Такие медресе занимали 1–2 небольшие комнаты. В этих школах отсутствовали какие-либо наглядные пособия, дополнительная литература, справочники и пр.

Арабоязычное образование было призвано укрепить и решить проблему дальнейшего распространения среди ингушей мусульманской веры и в этом смысле выполнило свою историческую миссию. Арабская грамотность среди ингушей «очень распространена... в каждом без исключения ауле при мечетях имеются школы – благодаря этому обстоятельству масса населения почти поголовно грамотна» (Джабагиев, 2006). Несмотря на сложности переходного времени, арабские школы продолжали в той или иной форме функционировать даже в 1920–1930-е годы. В ингушском обществе появились знатоки ислама и арабской письменности не только в лице ученых-алимов, но и среди простых людей. «Наряду с русскими школами на территории Ингушетии с последней четверти XIX в. до конца 20-х годов XX в. функционировали и школы при мечетях, в которых велось преподавание на арабском языке» (Албогачиева, 2010. С. 474).

Автором проекта письменности на основе арабской графики стал Магомед Джабагиев. Но с переходом к латинизации национальных алфавитов в целом ряде национальных республик и областей СССР все работы предыдущих авторов, кроме алфавита, составленного на основе латинского шрифта ингушским лингвистом З.К. Мальсаговым, были отклонены (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 161. Л. 1 об.).

В 1929 г. в Ингушетии функционировали 32 школы, обучающие основам ислама, где насчитывалось около 1500 учеников, и такое же количество медресе с 825 учениками. Преподавание в этих учебных заведениях велось местными муллами и хаджами, несмотря на то что власть активно боролась с их влиянием на население и с ними самими, подвергая их репрессиям (*Мугуев*, 1931. С. 93).

Несмотря на репрессивные меры, в Ингушетии еще оставались знатоки ислама, которые готовили учащихся в медресе. В 1920-е годы в Ингушский областной отдел народного образования поступили две путевки на арабский факультет Ленинградского института восточных языков. Они достались Джамалдину Сахаджиевичу Омархаджаеву и Магомеду Кутиевичу Куркиеву. Им посчастливилось учиться у видного арабиста акад. И.Ю. Крачковского, который писал: «...В 20-х годах два ингуша, присланные для завершения образования в Ленинградский институт восточных языков, свободно беседовали по-арабски на разнообразные темы мировой политики и современной жизни, а один с лег-

костью писал стихи по всем правилам старых арабских канонов» (Озиев, 1996. С. 3). Из этого следует, что преподавание в медресе велось на хорошем уровне. В частности, медресе в Гамурзиево, где работал Ильяс-мулла Озиев, известный арабист и кадий Назрановского округа, считалось кузницей высококвалифицированных арабистов (Албогачиева, 2007. С. 98).

Среди выявленных арбографических письменных источников – письмо на арабском языке, написанное ученым-алимом старейшинам с. Долаково касательно вопросов кровной мести. Другой документ написан Изновр-муллой Албаковым (род Тумгоевых). Это ингушский годичный календарь погодных условий (ПМА, 2010). Арабское письмо широко применялось при выдаче своеобразных «свидетельств о браке» на основе шариата; составлялись подобные документы и при расторжении брака. В основном писал их кадий или имам селения. Нередко после арабского текста данный документ переводился на русский язык и заверялся печатью. Таким же образом оформлялось и свидетельство о расторжении брака (араб. *баянутImIалакъ*). Имеющееся в коллекции автора свидетельство состоит из двух частей. Первая часть – арабский текст, составленный известным ученым-алимом Ингушетии начала XX в., имамом с. Базоркино Пригородного района Ингушетии (совр. Республика Северная Осетия – Алания, Пригородный район, с. Чермен) Атаби-муллой. В первой части документа говорится о разводе по

шариату Базоркина Бунхо Бейсаровича со своей женой Наго Кундуховой. Текст датируется 1323 г. по мусульманскому летосчислению, что соответствует 1905 г. На русском языке брачный развод назван «Копией с разводного вида».

Двухязычная этикетка минеральной воды «Ачалуки» с использованием арабографического ингушского письма 1926 г.

Личный архив З.М.-Т. Дзараховой

Интересное свидетельство использования арабографического ингушского письма найдено и в газете «Сердало», издававшейся на ингушском языке с 1923 г. Здесь приводится снимок этикетки, которая наклеивалась на бутылку с известной минеральной водой «Ачалуки» в 1920–1930-е годы. Наверху этикетки написано: «Кавказская натуральная ми-

неральная вода». Внизу под этими словами, чуть меньшим шрифтом, приводится надпись «Ачалукская группа». В центре приводится кириллицей само название – «Ачалуки № 2». Над ним арабскими буквами начертано ингушское название минеральной воды – «Ачалкх», которое взято от ингушского названия протекающей здесь одноименной небольшой речушки. В арабском языке нет звука «ч», который имеется в ингушском языке. На этикетке он обозначен с добавлением под графическим изображением арабского звука ح («хъа») трех точек. В самом низу в центре курсивом приводится надпись: «Главный склад: Владикавказ; Курортное управление Ингушской Автономной области». Данная графика наравне с кириллицей неофициально использовалась и в советский период. О широком использовании среди простых ингушей арабской графики в это время говорит следующий факт. Во время Великой Отечественной войны с фронта на основе такой графики писались письма домой теми, кто в свое время, до войны, учился в медресе. Как пример можно привести одно из таких писем, написанное из Одессы в 1941 г. фронтовиком Юсупом Ибрагимовичем Кодзоевым. Таким образом, перед нами наглядный пример применения вполне официально и в первые десятилетия существования советской власти арабской графики для передачи ингушской речи.

При более тщательном анализе этих и других подобных записей, хранящихся в личных архивах у ингушей, в них можно было бы найти многие данные, проливающие свет на

некоторые существенные эпизоды из прошлой истории и быта ингушского народа.

Ю.И. Кодзоев (1911–1941) – участник Великой Отечественной войны, автор письма на арабской графике, приведенного в тексте А.-М.М. Дударова

1944 г.

Личный архив Н.Д. Кодзоева

Фактически и сегодня не только али-мы, но и простые представители старшего поколения пользуются арабографическим письмом. Судя по многим старинным рукописям, написанным безымянными авторами арабографическим письмом на ингушском языке, можно утверждать, что без глубокого знания сложного фонетического состава ингушского языка, с многочисленными гортанными звуками, невозможно разработать азбуку, отображая их графически. Это говорит о том, что ингушские алимы, создатели арабографического письма, были не только религиозными деятелями, но и учеными-языковедами. Несомненно, что собственная письменность у ингушей была намного раньше, нежели официально принято считать. И владела ею «масса населения», которая была «поголовно грамотна» (Джабагиев, 2006), а основой ингушской письменности была арабская графика.

Историко- антропологические сведения

Среди больших регионов Северной Евразии современное население Кавказа изучено в антропологическом отношении едва ли не наиболее тщательным образом, как в аспекте этнотерриториальных вариаций, так и в плане разнообразия программ. Число выборок по разным системам признаков иногда превышает несколько сотен, что соответствует десяткам тысяч человек. Это позволило обрисовать контуры антропологической истории Кавказа в целом и рассмотреть отдельные народы и их группы на широком сравнительном фоне, а также выделить ключевую роль региона в формировании подразделений европеоидной расы.

Ингуш

Вместе с тем с сожалением следует отметить крайнюю скудость опубликованных материалов об ингушах. Почти у всех авторов речь идет о сборной группе из Назрани. Эта дисперсная выборка, состоящая из уроженцев разных районов республики, конечно, дает представление о народе в целом и его положении среди других народов, не позволяя, однако, судить о локальных вариациях и тем самым о компонентах, вошедших в его состав. Ниже приводится обзор результатов многостороннего обследования современных ингушей с целью установить круг народов, с которыми ингуши связываются наибольшим сходством, свидетельствующим об общих генетических корнях.

Рассмотрим данные разных видов антропологических источников в контексте происхождения ингушей.

Краниология

Имеется довольно значительный краниологический материал по ингушам XVI–XVIII вв., который был собран и описан В.В. Бунаком (1953), а затем и В.П. Алексеевым (1974). В работе В.В. Бунака, где главный акцент был на изучении склеповых черепов из Осетии, анализировались серии из склепов долины р. Армхи у селений Камышк (Хамышк),

Лежг и Эгикал. В этой ингушской сборной серии вариационные ряды и сочетания признаков оставляют впечатление неоднородности. В составе серии имеется долихокранный вариант, но более массивный и рельефный, чем, например, в гизельдонской позднесредневековой осетинской серии. Преобладают же брахикранные варианты, сильно изменчивые в отдельных признаках. Суммарная серия, куда вошли, кроме собранных В.В. Бунаком, черепа из сборов Л.Д. Габолаева также из склепов по долине р. Армхи, состоит из 127 мужских черепов и 75 женских. Черепа происходят, главным образом, из могильников у селений Эгикал, Эрзи, Лежг, Лезги и Хамышк. При всех незначительных различиях между сериями из отдельных могильников их объединяет комплекс признаков, характерный для большой группы популяций центральнокавказских народов, принадлежащих к кавкасионскому антропологическому типу (Алексеев, 1974; Алексеев, Гохман, 1984). Следует обратить внимание на тот факт, что особенности ингушских склеповых серий, датируемых ХVIXVIII вв., точно так же как и осетинских склеповых того же времени, не дают возможности перекинуть мостик к особенностям современного населения.

Ингуши-учащиеся
Первая четверть XX в.
Личный архив А.А. Албогачиева

Как и в случае с осетинскими материалами, имеющиеся ингушские позволяют нам поставить вопрос, но вряд ли на него ответить: что же произошло за последние два столетия, что так сильно изменило физиономические особенности осетин и ингушей? Возможно, что это результат разрушения патриархально-родовых отношений у этих народов в связи с их переселением на равнины, вызвавшего изменения круга брачных связей, возможно – результат демогра-

фических катастроф конца XVIII – начала XIX в., вызванных «морowymi язвами» и Кавказской войной. Палеоантропологические материалы более ранних эпох этнической истории ингушей отсутствуют. Исключение составляют материалы из Келийского могильника в Ассинской котловине, из раскопок у руин средневекового башенного аула Кели. Раскопки были произведены в 1987–1988 гг. Е. Нарожным и Н. Савенко. Было раскопано несколько полуподземных склепов и грунтовой могильник, представленный каменными ящиками, подобными раскопанным в Северной Осетии (Харх, Верхний Кобан) и ассоциируемыми с местным горским населением. Датируется могильник XIII–XIV вв. и склепы – XIV в. по грузинским надписям и золотоордынским монетам. Погребенные по «этнизированному» христианскому обряду, на спине, головой на запад, сопровождалась погребальным инвентарем, имеющим синкретический характер: конская сбруя и оружие золотоордынские, керамика – «посталанская», частично грузинская, и местная – горская, например, кружки с боковым сливом; половецкие пуговицы и серьги в виде знака вопроса. По мнению археологов, могильник принадлежал предкам ингушей. Всего было вскрыто около 300 погребений, однако очень плохая сохранность позволила археологам собрать только 15 мужских и 3 женских черепа. Сформированные серии, одна из склепов и вторая – из грунтовых могил, различаются даже при визуальном ознакомлении. В метрическом выражении различия касают-

ся размеров и формы мозговой коробки и лицевого скелета. Черепа из каменных ящиков отличаются длинной и низкой мозговой коробкой долихокранной формы (185,2; 131,4; 77,0), высоким относительно узким лицом (73,0 и 134,7), носовым указателем около 47. Черепа из склепов характеризуются значительно более короткой мозговой коробкой (175,7). Различия в продольном диаметре составляют полторы стандартной сигмы.

М.Ч. Албаков (1856–1905) – полковник русской армии,

участник русско-турецкой (1877–1878) и русско-японской (1904–1905) войн, кавалер военных орденов Российской империи

Начало XX в.

Личный архив И.Г. Алмазова

При более коротком продольном диаметре черепа имеют такие же значения, как у черепов в грунтовом могильнике, поперечного диаметра и несколько большие – высотного, значительно более низкое (67,7) и более узкое (132,8) лицо и еще более узкий нос. Поиски аналогий заставили, прежде всего, обратиться к вышеописанным ингушским сериям XVI–XVIII вв. Все эти «современные» ингушские серии по сравнению со склеповыми келийскими черепами более длинноголовы и значительно более широколицы. За исключением одной небольшой серии из склепов у с. Эшкол, они более высоколицы и широконосы. По сравнению с черепами из каменных ящиков Келийского могильника современные ингушские серии имеют более короткую и широкую мозговую коробку, более широкое, но более низкое лицо, более высокий и широкий нос. Из отмеченных В.В. Бунаком вариантов в представляемых материалах из Кели можно обнаружить два: один долихокраний – из каменных ящиков, и брахикраний из склепов, в осетинских сериях не находящий аналогий. Для него характерны короткая мозговая коробка, высокая спинка носа, малый носовой указатель в со-

четании с узким и низким лицом. Причем следует подчеркнуть, что черепа из Келийских каменных ящиков, которые в Осетии уверенно увязываются с местной традицией, а погребенные в них (могильники Харх и Верхний Кобан) характеризуются крупными размерами мезо– или брахикранной мозговой коробки и широким лицом, в Кели, напротив, обнаруживают черты, свойственные черепам из осетинских склепов, которые, в известной степени, являются трансформацией погребальной традиции собственно аланских групп, носителей катакомбного обряда. А черепа из склепов Келийского могильника вообще крайне специфичны: они отличаются от всех известных средневековых серий черепов с территории Северного Кавказа сочетанием выраженной брахикрании с небольшими размерами лицевого скелета. Какими причинами можно объяснить столь большую разницу в краниологических характеристиках погребенных по различным обрядовым нормам? Можно ли придавать этим различиям этногенетический смысл? Возможно, это связано с таким явлением, как гомогамия или брачная ассортативность.

В матрице таксономических расстояний (по Пенрозу), подсчитанной по 10 краниометрическим признакам для 25 серий раннего и позднего Средневековья, минимальные попарные расстояния равны 0,07, максимальная величина расстояний равна 1,69 (*Герасимова*, 1997). Серия из келийских каменных ящиков (Кели I) обнаруживает достаточно близкие связи, порядка 0,19–0,28 с раннесредневековыми се-

риями из Гамовского ущелья и Адияуха (Карачаево-Черкесия), Казазово II (Адыгея) и Мощевой балки (Краснодарский край), т. е. из могильников западной Алании (*Герасимова*, 1997, 2004). Для позднего Средневековья наиболее близкие связи обнаруживаются с сериями из пещерного склепа 21 у с. Дзивгис, из каменных ящиков Верхней Кобани и Верхнего Джулата (Северная Осетия). Келийская серия из склепов (Кели II) в раннесредневековое время не находит аналогий, хотя для более позднего времени небольшими размерами продольной оси черепа и узким лицом наибольшее сходство обнаруживает с дзивгисскими сериями из склепов 15, 18 и 3. Наличие сетевидного сходства и отсутствие жесткой связи между антропологическим обликом и погребальной традицией, зафиксированные на территории Северной Осетии (*Герасимова*, 1994; 2004), характерно и для расогнеза на территории Ингушетии.

Соматология

М.Г. Абдушелишвили, подводя итоги многолетнего исследования народов Кавказа, использовал собственные и литературные данные более чем двух сотен мужских выборок взрослого населения. Как и практически все исследователи, работавшие по данной проблеме, он квалифицирует ингушей как представителей кавкасионского типа (или расы) – самого типичного для аборигенов Кавказа. Комплекс черт

этого типа у мужчин-ингушей выражен достаточно ярко: на кавказский масштаб они отличаются самой сильно растущей бородой (*Абдушелишвили*, 1964. С. 64), самые высокорослые, обладают самым высоким процентом светлых глаз, имеют округленную и широкую голову, широкий лоб, очень широкую нижнюю челюсть, ослабленный волосяной покров на груди, прямые волосы, резко развитые надбровные дуги, “острое” и широкое лицо со сглаженными скулами и низким переносом, с сильно выступающим носом (с выпуклой спинкой, резко выраженными крыльями и крыльевыми бороздами), с утолщенными губами (*Абдушелишвили*, 2003. С. 258). Правда, через пару страниц автор относит ингушей и чеченцев к другому кавказскому варианту – к понтийскому типу, точнее, к “понтийскому типу с кавкасионскими особенностями” (Там же. С. 260–261), объединяя эти таксономически равнозначные и достаточно четко различающиеся типы. До того кавкасионский тип был отнесен им к переднеазиатской группе популяций (Там же. С. 252). Таким образом, кавкасионцы одновременно определяются автором: а) как самостоятельный тип; б) как составная часть понтийского типа; в) как составная часть переднеазиатского типа. Эти таксономические нюансы, в конце концов, не так существенны в свете гипотезы М.Г. Абдушелишвили о роли Кавказа как “вторичной колыбели” формирования большой европеоидной расы после перемещения первичного ареала, находившегося на территории северных районов Передней Азии

(Там же. С. 264).

Ингушка Р.Б. Ужахова

Почтовая открытка. Кавказские типы. 1911 г.

Личный архив М.С.-Г. Албогачиевой

На этническом уровне ингуши по сумме признаков наиболее близки к группам кавкасионского типа – к балкарцам, осетинам, чеченцам, карачаевцам, кабардинцам (*Абдушелишвили*, 1994. С. 84–85).

Применением современных методов многомерного анализа 221 мужской выборки (данные разных авторов, включая вышеописанные) обнаружено, что ингушская и чеченская выборки объединяются в одном скоплении с дагестанскими группами, а также группами, относящимися к кавкасионскому и переднеазиатскому расовым вариантам (*Дерябин*, 2008. С. 218–220).

Одонтология

Р.С. Кочиев в 1960-е годы впервые изучил почти все народы Кавказа, работая в школах-интернатах. Ингушская выборка из 104 человек (мальчики и девочки суммарно) исследована в Назрани. При тотальном анализе всех групп обе выборки взаимно сблизились, заняв почти центральное положение в основном скоплении групп и не обнаружив какой-либо специфики (*Кочиев*, 1979).

Огромный материал, собранный грузинскими антрополо-

гами в течение нескольких десятилетий, а также литературные данные обобщила В.Ф. Кашибадзе (2006). Ее ингушская выборка, к сожалению, невелика по объему (48 детей). По результатам многомерного анализа ингуши обособились на фоне всех кавказских народов. Эта картина возникла благодаря сильной выраженности у ингушей и чеченцев черт западного варианта южного грацильного одонтологического типа и характерного для аланов контрастного сочетания двух признаков (повышенная частота встречаемости четырехбугорковых форм первых моляров). Последний распространен среди населения Северного и Западного Кавказа и известен на этой территории уже в эпоху бронзы. Кроме того, у ингушей проявляются также черты горного одонтологического типа и характерные для аланов контрастные сочетания двух признаков (повышенная частота встречаемости четырехбугорковых форм первых нижних моляров и пониженная частота четырехбугорковых форм вторых нижних моляров).

Б. Харсиев

Фото М.С.-Г. Албогачиевой, 2011 г.

Следует отметить, однако, что по данным одонтологии современные краниологические серии ингушей и чеченцев различаются (Кашибадзе, 2006. С. 134–135).

Дерматоглифика

Кожные узоры кисти у школьников Назрани (102 мальчика и 100 девочек) изучила Г.Л. Хить (1983). Сравнительный фон составили 50 мужских и 53 женских выборки Кавказа. По основным признакам ингуши не обнаружили отклонений

от северокавказского типа, за исключением специфической для ингушей и чеченцев черты – высокой частоты узорности на ThI межпальцевой подушечке (16–17%). Этот признак расово-нейтрален (не разделяет европеоидную и монголоидную расы) и обнаруживает огромную и ненаправленную вариабельность в популяциях Евразии. Единственное исключение составляют горные районы Кавказа, точнее говоря, Чечня, Ингушетия и Дагестан, где концентрируются высокие значения признака (Хитъ, 1983. С. 96–97). Подсчет таксономических расстояний производился без данного признака.

Мужские группы ингушей и чеченцев по комплексу признаков различаются в умеренной степени, женщины более сходны взаимно. Южноевропеоидные черты в каждом рельефе, выражаемые количественно в виде юноевропеоидного комплекса, хорошо дифференцируют мужские группы: у ингушей южно-европеоидный компонент гораздо выше по сравнению с чеченцами. В то же время доля южного компонента у ингушей, особенно у мужчин, уменьшена по сравнению с общекавказской выборкой. Это может объясняться проявлением североевропеоидной (точнее, восточноевропейской) примеси у ингушей.

По результатам многомерного анализа 50 мужских групп Кавказа, ингуши объединились с горными дагестанскими группами – лакцами, андийцами, аварцами, рутульцами, табасаранцами, а также татами-мусульманами Дербентского

района (*Хитъ*, 1983. С. 88–107).

После сбора новых материалов и с учетом методически сравнимых данных В.О. Асланишвили (*Хитъ*, *Асланишвили*, 1986. С. 170–174) число мужских кавказских выборок увеличилось до 84 (всего свыше 10 тыс. человек). В многомерном анализе обе группы – ингуши и чеченцы – вошли в одно скопление с осетинами и вышеперечисленными дагестанскими группами, а также с удиными и месхами. По комплексу признаков к ингушам наиболее близки балкарцы, далее следуют карачаевцы и лишь затем – чеченцы (*Хитъ*, 2004. С. 200).

На фоне расовых типов Кавказа, дерматоглифическая характеристика которых была получена в рамках соматологической классификации, ингушские мужчины стойко сохраняют свою специфику, максимально сближаясь с кавкасионцами. От остальных типов ингуши различаются в два-три раза больше.

Генетика

Обобщающее исследование по различным изоантигенным системам крови у большинства этносов Кавказа выполнено Л.О. Битадзе (2006). Изложим некоторые выводы. Частота гена *r* на Северном Кавказе снижается с Запада на Восток. Две группы ингушей (Малгобека и Назрани) не нарушают этой тенденции. У ингушей, кроме того, отмечена низ-

кая или средняя частота гена d. По соотношению частот генов n и m ингуши и чеченцы сходны и сближаются с народами Дагестана ($m > n$), как и по редкому фактору Келл+ (0,03–0,04). По повышенной частоте гена Fya (0,40–0,47) они тяготеют к адыгам, карачаевцам, осетинам, а также к переднеазиатским популяциям.

Недавно было изучено распределение частот гаплогрупп Y-хромосомы на Кавказе (Кутуев, 2010). Ингуши и чеченцы не обнаружили сходства и, кроме того, не вошли ни в один из двух кластеров, включивших народы Дагестана, с одной стороны, и остальные народы Северного Кавказа, с другой. При значительном расширении масштаба сопоставлений выделились два противоположных кластера и своеобразный третий, промежуточный. Именно в этот третий кластер вошли ингуши вместе с народами Северо-Западного Кавказа, а также с армянами, абхазами, грузинами-мегрелами и греками о. Крит. Чеченцы объединились в кластере, включившем народы Дагестана, турок, иранцев, арабов стран Ближнего Востока и Египта. Обе группы заняли в “своих” кластерах крайне обособленное положение.

По результатам генетического исследования митохондриальной ДНК ингушские и чеченские популяции заметно различаются, хотя и входят в один кластер, включающий основные дагестанские группы и другие народы Северного Кавказа, а также греков, восточных и южных славян, грузин-мегрелов и турок. При этом ингуши наиболее сближены с авар-

цами. Кроме того, эти популяции резко выделяются на всей территории Кавказа, где признак отмечен редко, высоким содержанием гаплогруппы 12a2–M67, причем эта черта максимально выражена у ингушей (82%) по сравнению с чеченцами (47%). Очень редкая для Кавказа гаплогруппа L – вариант L3–M357, отмеченная на Северо-Западном и Южном Кавказе всего у одного (!) человека, составляет у ингушей и чеченцев 9–16%. По частотам 11Alu-инсерций они сходны. Автором сделан вывод о происхождении большинства кавказских народов на основе автохтонного субстрата, который представляет собой расовый компонент, проникший на Кавказ в верхнем палеолите с территории Передней Азии. В целом, отмечены существенная гетерогенность кавказских популяций и заметные различия в генетической картине народов Кавказа по данным о мужчинах и женщинах. Вместе с тем популяции Кавказа отличаются уникальностью по частотам гаплогрупп Y-хромосом.

Общие итоги исследований

При естественном по своей природе – частичном или полном – несовпадении результатов изучения разных систем морфологических признаков все же вырисовывается следующая картина. Ингуши в большинстве случаев обнаруживают сходство с соседними народами Северного Кавказа, принадлежащими к кавкасионскому типу: по признакам сома-

тологии – с балкарцами, чеченцами, карачаевцами, осетинами, по признакам дерматоглифики – с осетинами, грузинами-мтиулами, горными дагестанскими группами. По признакам одонтологии ингуши резко выделяются на общекавказском фоне, олицетворяя в гипертрофированном виде западный вариант южного грацильного типа, фиксируемого на Кавказе уже в эпоху бронзы. Таким образом, по морфологическим признакам со сложной наследственной структурой ингуши и чеченцы чаще всего максимально сближаются не друг с другом, а с соседними народами Северного Кавказа.

Генетические результаты наиболее разнообразны и зачастую неожиданны. Обе группы: 1) сближаются с горными дагестанскими группами (но по мтДНК резко с ними различаются); 2) на общекавказском фоне занимают наиболее обособленное положение по гаплогруппам Y-хромосомы; 3) обладают уникальными частотами ряда признаков.

При несомненной ценности тех немногочисленных данных об ингушах, которые были рассмотрены, необходимо помнить, что на единичных выборках многие вопросы не могут быть разрешены. Поэтому сбор и введение в научный оборот новых и более обширных материалов представляется крайне важной и неотложной задачей.

Глава 2

Этническая и политическая история

Ранние этапы этнической истории

Начиная с середины IV и на всем протяжении III тыс. до н. э. на территории Северного Кавказа получают распространение археологические культуры раннебронзового века: майкопская и куро-араксская. Современная Ингушетия расположена в полосе пересечения майкопской и куро-араксской археологических культур, часть найденных на ее территории памятников раннебронзового века имеет характерный синкретический облик.

Во II тыс. до н. э. на Северном Кавказе получает распространение целый ряд родственных археологических культур эпохи средней бронзы, развившихся на основе культур раннебронзового века и получивших в науке общее наименование северокавказская культурно-историческая общность. В свою очередь, на основе культур северокавказской культурно-исторической общности складывается знаменитая древняя культура северокавказских автохтонов – кобанская, хронологические рамки которой принято определять

XIII вв. до н. э., между тем отдельные памятники датированы и более ранним периодом. В то же время развитие кобанской культуры на Центральном Кавказе продолжалось вплоть до раннего средневековья (*Великая*, 2010. С. 17). Памятники кобанской культуры обнаружены на обширной территории Северного Кавказа, от междуречья Большого Зеленчука и Урупа на западе до Андийского хребта на востоке, от Ставропольской возвышенности на севере и до высокогорной части Грузии на юге, тем самым захватывая районы и современного Закавказья. Именно с племенами кобанской культуры принято увязывать этногенез протоингушских этнических групп. В грузинских письменных источниках, описывающих события этого периода, древние ингуши известны под этнонимами «кавказионы» и «дзурдзуки» («дурдзуки»). Возможно, с племенами кобанской культуры связан и этноним «гаргареи», упоминаемый в I в. в труде Страбона (*История народов Северного Кавказа...* 1988. С. 74), отождествленный Е.И. Крупновым с современным самоназванием ингушей – «галгаи» (*Крупнов*, 1971. С. 25).

Во второй половине I тыс. до н. э. предки древних ингушей входили в крупное объединение племен, находившееся на стадии образования прото-государства и занимавшее довольно обширную территорию предгорно-плоскостной и горной зоны Центрального и Северо-Восточного Кавказа. В их руках находятся главные пути в Закавказье через горы Большого Кавказа, и они самым тесным образом связаны

как с северными соседями – миром кочевых народов (скифами), так и с зарождающимся грузинским государством на юге – Картли. При этом надо отметить, что этноним «скифы», который обычно принято интерпретировать как наименование сугубо ираноязычных племен, зачастую в письменных источниках имеет собирательное значение, как и более поздние «сарматы» и «аланы», под которыми часто скрываются народы разного этнического происхождения. Непосредственно на Северном Кавказе – это как пришлое ираноязычное, так и местное, в том числе древнее протоингушское население, чьи интенсивные контакты и сближение со степным миром очевидны еще в эпоху бронзового века. По всей видимости, истоки северокавказского нартского эпоса следует отнести именно к кобанскому времени, т. е. периоду расцвета кобанской культуры и северокавказской цивилизации в древности, предшествовавшему началу массовых миграций в регионе кочевых народов в эпоху Великого переселения народов, ставших, в свою очередь, началом новых этногенетических процессов в регионе, как и в Евразии в целом.

Историю Северного Кавказа с III в. до н. э. по III в. н. э. принято классифицировать как сарматский период, т. е. время интенсивного проникновения в предгорно-горную зону ираноязычных племен и смешения их с местным кобанским населением (*Великая*, 2010. С. 17). Во II в. до н. э., по всей видимости, союз кобанских племен распался, и в более позд-

них письменных источниках, в том числе раннесредневековых, указывается множество племен-народов, населяющих территорию ареала кобанской культуры, под которыми скрываются различные древненахские родоплеменные (или этно-территориальные) группы – *гаргареи*, *хамекиты*, *двалы*, *санары*, *кусты* (*кисты*) и др. В то же время интересен тот факт, что в персидском источнике III в. указывается страна Махелония, которая наряду с такими странами, как Иберия, Армения, Атропатена и Кавказская Албания, входит в зону влияния Сасанидских шахов. Махелония (Древняя Ингушетия) расположена к северо-западу от Кавказской Албании по обе стороны от Главного Кавказского хребта, т. е. на территории расселения племен кобанской культуры (История Дагестана... 2004. С. 129).

В период раннего Средневековья история предков ингушей тесным образом связана с северокавказскими аланами и Аланским государством (конец IX – начало XIII в.). Аланское государство сложилось в результате завершения этнополитической консолидации аборигенных нахских племен и ассимилировавшихся в результате многовековых инфильтраций в их среду, в позднекобанскую и посткобанскую эпоху, ираноязычных (сарматских), а начиная с IV в. тюркских этнических групп. Присутствие в Аланском государстве, как минимум, трех основных этнических элементов: автохтонного сарматского (ираноязычного) и тюркоязычного – очевидный факт, учитывая особенности политической истории

Северного Кавказа I тыс.: перемещение сарматов в предгорно-горную зону, интенсивные миграции тюркских племен, начало которым было положено гуннами и завершившихся сложением мощнейшей державы раннего Средневековья – Хазарского каганата. Другая часть древненахских племен, проживавшая в высокогорной зоне на границе с Грузией и частью на ее современной территории (к югу от Главного Кавказского хребта), была в этот период тесно связана с грузинским государством. Самое южное из этих племен – *цанары* (*санары*), которые вошли в историю как непримиримые противники полководцев Арабского халифата, неоднократно предпринимавших в VII–IX вв. походы в Закавказье и оттуда далее на Северный Кавказ через Дарьяльское ущелье. Влияние Грузии на приграничные ей древнеингушские племена (в грузинских источниках – *дзурдзуки*, *глигви*, *кисти*, *двали*) особенно заметно на позднем этапе раннего Средневековья.

В XIII–XIV вв. происходят значительные изменения в этнополитической карте Северного Кавказа, связанные с завоевательными походами монголов и Тимура Хромого. Крупнейшее государственное-политическое образование северокавказцев периода раннего Средневековья – Алания перестало существовать. Были разрушены крупнейшие города региона Магас (1238) и Дедяков (1378), являвшиеся политическими, экономическими и культурными центрами всей северной части Кавказа. Сильный урон был нанесен разви-

тым земледельческим районам плоскости, превратившейся сначала в кочевья золотоордынцев, а позже и других кочевых народов. Одним из наиболее катастрофических последствий походов на Северный Кавказ монголов и Тимура было резкое сокращение численности коренного населения региона, которое большей частью погибло в сражениях с завоевателями, уцелевшая же часть нашла убежище в горной зоне, где проживало этнически родственное им население. В последующие столетия именно горы становятся средоточием северокавказской культуры, получившей новый импульс развития в результате вливания в среду горцев плоскостного населения. Однако вынужденная изолированность в течение нескольких веков большей их части от равнинных земель Северного Кавказа, существование в массе своей в тяжелых условиях безземелья отрицательно сказывались на социально-экономическом развитии горцев, прервав естественный процесс формирования государственных образований.

XV–XVII вв. – это поздний период этногенеза современных северокавказских народов, в основе формирования которых лежит общий пласт автохтонного (преимущественно нахского) плоскостного и предгорного населения средневековой Алании, горных ингушских этнических групп (например, в Осетии – это *двады*) и смешанных иранско-тюркских, частью вышедших из аланской среды, частью появившихся в регионе в Золотоордынское время и после карательных экспедиций на Северный Кавказ Тимура. Все эти три этни-

ческих компонента (нахский, иранский и тюркский) в разной степени присутствуют у вышеназванных народов, близких и безусловно родственных по антропологическому типу и культуре.

Другая часть ингушского населения, расселявшаяся в горной части современной Грузии, была ассимилирована в грузинской этнической среде и, за исключением части *тушин*, состоящей из относительно поздних переселенцев (XVI в.) из горной и равнинной Ингушетии (*фяппи-бацой* или *цова-тушины*), перешла на грузинский язык. Ассимиляция повсеместно сопровождалась вытеснением отдельных групп населения, сохранившего язык автохтонов, в частности, часть ингушей-*галгаевцев* переселяется на север из Архот, и его занимают грузиноязычные хевсуры, другая часть ингушей (*фяппий* и др.) покидает территории Куртатинского, Кобанского, Санибанского ущелий и их заселяют ирано-язычные ироны-осетины.

Ингушетия в XVI–XVIII веках

Во второй половине XVI в., после завоевания Казани и Астрахани, границы Московского государства приблизились вплотную к Северному Кавказу. Россия вступает в затяжное противостояние с восточными державами – Османской империей и Ираном, в рамках которого формировалась ее политика на Кавказе, складывались взаимоотношения с населяющими его народами. Вовлеченными в той или иной степени в это противостояние оказались практически все северокавказские этнические группы, в особенности кочевые и полукочевые народы северокавказской равнины, на которых сильное влияние оказывали Османская империя и ее вассал – Крымское ханство. Внутренние этнические процессы среди горских народов характеризовались, прежде всего, активными миграциями в общем русле движения горского населения на плоскостные (равнинные) земли и складыванием новых этнотерриториальных групп, ставших, в свою очередь, основой для консолидации родственных этнических сообществ и формирования современных народов северокавказского региона (История народов Северного Кавказа... 1988. С. 276). Все эти процессы и явления нашли в полной мере отражение в динамике ингушской истории XVI–XVIII вв.

По мере активизации возвращения на плоскость горского

населения из горных районов оно вступает в тесное взаимодействие с кочевыми и полукочевыми народами, постепенно оттесняя их от предгорий и создавая новые этнотерриториальные сообщества на предгорно-плоскостных территориях.

В целом этническая территория ингушей приблизительно с XVI в., начинает смещаться в сторону Северо-Восточного Кавказа, значительно сокращаясь на западе. Вытеснение основной массы ингушеязычного населения с предгорий и горной зоны Центрального Кавказа было связано с мощной волной миграций с Северо-Западного Кавказа сначала ногайских, а затем и адыгских родоплеменных групп, завершившихся формированием на Центральном Кавказе новой этнической общности – кабардинцев. Ко второй половине XVI в. кабардинские феодалы при поддержке Москвы закрепляются на предгорной равнине по левобережью Терека, вытеснив из этой зоны кочевья ногайцев (*Кокиев*, 1947. С. 24–25) и местное аборигенное население, относившееся к ингушскому этнокультурному полю, как и население, расселявшееся в горной зоне, в ущельях, образованных левыми притоками Терека. В XVI–XVII вв. это население сменяется предками современных осетин.

Однако закрепиться в стратегическом Дарьяльском ущелье кабардинским князьям не удалось, и оно оставалось в большей степени под контролем ингушей вплоть до второй половины XVIII в., когда Северный Кавказ вошел в зону влияния Российской империи. К концу XVIII в. левобере-

жье Терека, непосредственно примыкавшее к Военно-Грузинской дороге, было населено смешанным ингушско-осетинским населением. Численность осетин в последующее время в этом регионе все более возрастала, учитывая тот факт, что самые влиятельные среди тагаурских алдаров, ингуши по происхождению – Дударовы в конце XVIII в. были уже практически ассимилированы в осетинской этнической среде. Согласно данным топонимики, Военно-Грузинская дорога имела у местного населения старое наименование – «Галгай никъ», т. е. «ингушская дорога» или «дорога через Ингуш» (Сулейманов, 1978. С. 8.).

Ингушские селения, расположенные в горной зоне, группировались, как правило, по локальным ущельям, что способствовало их этнополитической консолидации в обособленные территориальные группы – общества. К концу XVI – началу XVII в., по всей видимости, складываются поздние территориальные общества ингушей. С запада, начиная от Дарьяльского ущелья, на восток располагались общества (*шахары*): Фяппи (*кисты, кистинцы*, Кистинское общество); Джейрахой – джераховцы; «ероханские люди»; Галгай (галгаевцы – *кхаькхалой*; Галгаевское общество), Цорой (цоринцы, Цоринское общество), Кий (*кийрхой*), Акки (аккинцы; Акинское общество). Севернее от Акки, к северо-востоку и северо-западу от них, начиная от верховьев р. Фортанги до р. Гехи, располагался целый ряд небольших этнотерриториальных групп, позже получивших известность под об-

щим наименованием – Орстхой (*аристхойцы, карабулаки* – тюрк.; Карабулакское общество). Это этнотерриториальные группы – Мержой, Цечой, Галай, Гондалой, Мужахой и др.

Южнее Акки и юго-восточнее от Цори располагалось общество Мелхий, выше последних, к юго-востоку, небольшое общество – Майстой. Эти общества упоминаются в более поздних источниках (XIX в.) под наименованием «Дальние кисты».

Из русских письменных источников XVI–XVII вв. известны наименования северо-восточных нахских территориальных групп: «Шубуты, Отчанская земля, Тшанские люди, Мулки» и некоторые другие (*Кушева, 1963. С. 64*). Большая часть из этих обществ находилась в бассейне р. Аргун. По Аргунскому ущелью располагался один из путей русских посольств в Грузию, благодаря чему эти «землицы» попали в поле зрения «дипломатической службы» Московского государства. В верховьях этой реки, в ущельях, образуемых рукавами Чанти-Аргун и Шаро-Аргун, располагались одноименные территориальные группы – Чантий («Отчанская земля») и Шарой. К северу, вниз по Чанти-Аргуну, у слияния двух рукавов, располагалось общество Шотой (Шу-той), с которым связывают два наименования в русских источниках – «Тшанские люди» и «Шибуты».

Между этнотерриториальными группами *шотой* и *чантий*, по Чанти-Аргуну располагалось несколько родо-племенных и территориальных образований, крупнейшее из

которых – Чиннахой. Родство последней родо-племенной группы с крупными ингушскими родами, состоящими из нескольких десятков патронимий – Тумахой, Оздой и Салгахой, прослеживается по данным этногенетических преданий и данных генеалогии ингушей (Танкиев, 1984. С. 124).

Часть из вышеперечисленных этнотерриториальных групп сыграла позднее важную роль в этногенезе чеченского народа. В XVI–XVII вв. эти группы представляли собой локальные территориальные общества, часть из которых находилась еще в стадии формирования. Границы между этими обществами были довольно условны, в силу подвижности населения как следствия перманентных миграционных процессов.

Все эти этнотерриториальные группы были изначально нахскоязычными (что подтверждается более поздними историко-этнографическими и лингвистическими материалами XIX – 20–30-х годов XX в.) и развивались в едином этнокультурном пространстве.

Хотя проблема наличия единого наименования ингушских территориальных групп в рассматриваемый период является вопросом открытым, тем не менее есть ряд данных в пользу предположения, что таким самоназванием, возможно, был этноним «галга» (*galgla* – инг.). Это, в первую очередь, данные топонимики, обнаруживающие географические наименования, связанные с этнонимом *галга* как в ближайших от собственно «Галгаевского» территориальных об-

ществах, так и в значительно отдаленных от него – в частности на плоскости современной Чечни (Малая Чечня – в XIX в.); нахские этногетические предания, в которых этнический термин *галга* фигурирует в качестве родоначальника (эпонима), и др. В русских источниках этноним *галгаи* получает известность с 1590 г. в форме «калканцы» и встречается в ряде документов XVII в. Это «статейные списки» русских послов в Грузию, которым пришлось неоднократно сталкиваться в Дарьяльском ущелье с горскими людьми «калканцами» (Русско-чеченские отношения, 1997. С. 35, 46, 93, 95).

Длительное существование в относительно изолированных друг от друга локальных ущельях, не способствовало этнополитической консолидации. Постоянные миграции, в свою очередь, формировали новые этнополитические центры, зачастую со смешанным этническим составом, оторванные от первоначального «галгайского» этнокультурного центра.

Так, уже со второй половины XVI в. в русских письменных источниках известно самое восточное плоскостное территориальное общество Акки (Аух, Ауховское общество), располагавшееся в Терско-Сулакском междуречье в смежности с кумыкскими землями и образованное переселенцами из разных горных обществ. Именовавшиеся в документах «окочанами», «ококами», они играли очень важную роль в политике России на Северо-Восточном и отчасти Центральном Кавказе в XVI–XVII вв. Их старшины («владельцы»)

Ушаром-мурза, Ших-мурза, Батай-мурза и другие, постоянные союзники Московского государства, активно участвуют в строительстве русской крепости на Тереке, выполняют посредническую миссию в сопровождении посольств через земли горцев в Грузию, несут военную службу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.